

ISSN 0130 6375

ИСКРКА

10 ОКТЯБРЬ
1985

Л в объективе
ЛЕНИНГРАД

ИСКОРКА

10 ОКТЯБРЬ
1985

ИЗДАЕТСЯ
С 1957 г.

газеты
„Ленинские
искры“,
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

Сергей ВОРОНИН

Рис. Л. Коломейцевой

ЗДРАВСТВУЙ, ЛЕНИНГРАД

— Здравствуй, Ленинград! — так каждый раз, возвращаясь, здороваюсь я с моим городом. Ведь с ним связана вся моя жизнь.

Впервые я навсегда запомнил его в тот день, когда мимо меня, пятилетнего мальчишки, пронёсся, подскакивая на каменной мостовой, грузовик с матросами. Матросы стояли вплотную друг к другу и громко пели боевую песню. На груди каждого вперекрёст — пулёмётные ленты. Грузовик промчался, а я всё стоял и зачарованно смотрел ему вслед и, конечно же, видел и громаду Исаакиевского собора с его золотым куполом, и памятник Николаю, восседающему на коне, но не они запомнились мне, а матросы. Поразило новое, до этого невиданное...

И все последующие годы, вся моя жизнь в моём городе шла под знаком **НОВОГО**. И куда бы ни уезжал я, сколько бы времени ни пропадал, — то в командировках с отцом, то уже сам по себе, кочуя с изыскательными партиями или мотаясь по дорогам и бездорожьям с журналистскими заданиями, — всегда, когда возвращался, меня встречало новое.

В детстве — ленинская пионерия, дружно распеваящая «Картошку»: «Ах, картошка, объединье-денье-денье-денье! Пионеров идеал-ал-ал! Тот не знает наслажденье-денья-денья-денья, кто картошки не едал-ал-ал!» И я, шагающий в колонне пионеров по набережной Мойки, по Марсову полю с красным галстуком на груди.

В юности — с восхищением смотрю на комсомольцев в юнштурмовской форме, с поскрипывающей портупеей, ладно охватывающей пояс и плечо, и мечтаю о том дне, когда и сам буду носить такую форму.

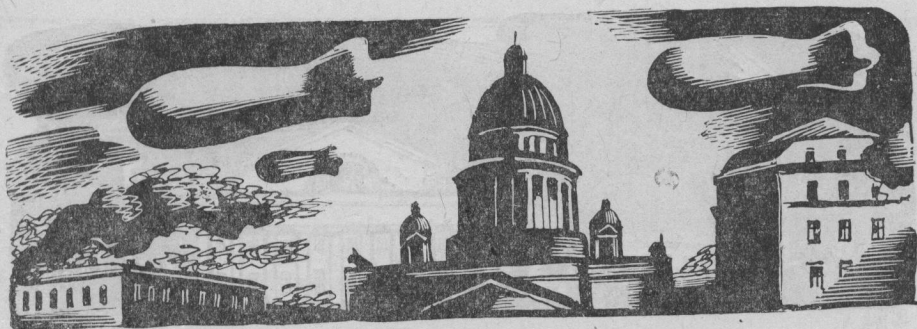

Вижу первомайскую демонстрацию, заполнившую весь Невский. Сколько людей! И у каждого на груди — красные гвоздики, сделанные руками школьников. Они сами тут же — шныряют в рядах демонстрантов с кружками для пожертвований в помощь борцам МОПРа. Знамена. Флаги. Шумноголосье. Песни. Смех. Танцы. И солнце! Громадное, ласковое солнце на безоблачном небе. И бутафорская фигура Чемберлена в цилиндре и с моноклем в глазу. И это так смешно, что я хохочу до слёз. И фанерные гигантские станки — это наша новая развивающаяся станкостроительная промышленность. И гигантская лампочка завода «Светлана», сменившая тусклые угольные лампочки производства «Осрам».

И радостно и чудесно мне! И весь день на ногах, и нет усталости. Я уже успел побывать на Дворцовой площади и теперь, пробившись к краю тротуара, не устаю смотреть на бесконечный поток людей. А впереди ещё вечер на Дворцовой... Там, прямо на площади, покажут под открытым небом кино. А на подмостках артисты будут петь и плясать. И всё это — для всех. И для меня. И я гляжу во все глаза, громко смеюсь и хлопаю что есть силы в ладоши.

Город менялся на глазах. То было много беспризорников. Они спали в тёплых люках у Сада отдыха и на Сенном рынке — и вот пропали, как исчез и сам Сенной рынок с его ларями... На месте рынка распахнулась просторная площадь Мира. То бегали мальчишки-газетчики, звонко кричавшие на улицах: «Вичирняя красная газета!» И вот исчезли мальчишки-газетчики, вместо них — спокойные дяди и тёти в газетных киосках. Деревянными пашками были выложены мостовые, и вот уже нет деревянных мостовых: по улицам и проспектам ровной лентой протянулись асфальтовые полотна. Всё меньше становилось извозчиков — всё больше автомобилей. А однажды под крышей Гостиного двора появился репродуктор: большая чёрная тарелка. Я стоял в толпе и, как многие, удивлялся такому чуду — говорящей, поющей и играющей разные марши чёрной тарелке. А потом и сам собирал в школе свой детекторный приёмник.

Город открывался для меня постепенно. Я ничего не знал про Металлический завод, туда меня направили с биржи труда, и увидел его громадные цехи, станки — токарные, сверловочные, строгальные, — услышал его могучий призывный гудок и слился с тысячами рабочих, делавших турбины для Днепрогэса и других советских электростанций. Тогда же я узнал и Выборгскую сторону с рабочим стадионом и Выборгским Домом культуры, куда ходил с фабзайчатами в культпоходы, где в антрактах, вместе со всеми, пел про паровоз, летящий в коммуны, и чувствовал себя уверенно и надёжно, как дома. Там, на Металлическом заводе, я вступил в комсомол и вместе с ребятами ринулся на штурм музеев.

И вдруг открыл для себя театр: бегал на галёрку, слушал оперы, смотрел спектакли с Монаховым. И отовсюду на меня глядели плакаты с призывом: «Учиться, учиться и учиться!». И я учился после работы на курсах подготовки в вуз, сдал экзамены в Горный институт.

И тогда для меня открылся Васильевский остров. И за ним далёкое, в дымке, взморье. И аудитории. Лекции. Лыжные походы по Неве. Мороз. Ветер. Солнце. И возвращение домой по освещённым улицам. И дворники, сидящие в тулупах на каменных тумбах у ворот. Где теперь эти тумбы? Где дворники в тулупах? И ещё снеготаялки были, и кучи из дровяных плах, а возле них бегущие ручейки талого снега. Где они, снеготаялки?

Чем больше ухожу в воспоминания, тем ярче возникает в памяти ушедшее. Разное оно: светлое и горькое, радостное и трагическое. Не могу без боли думать о похоронах Сергея Мироновича Кирова, когда весь город вышел на улицы и нескончаемой траурной колонной провожал в последний путь любимца партии и народа. Скорбные были эти дни. И тревожно становилось на сердце... Но по утрам, как всегда, приходил рассвет, порой сквозь плотную мглу, но пробивалось солнце, и люди шли на работу. И город мой наполнялся рабочим гулом. Возводились новые дома, мчались по проспектам новые автобусы, и всё дальше к окраинам пролегали трамвайные пути. В проектных конторах создавались проекты новых домов, новых машин, уникальных станков... Прокладывались в тайге и тундре новые железнодорожные пути.

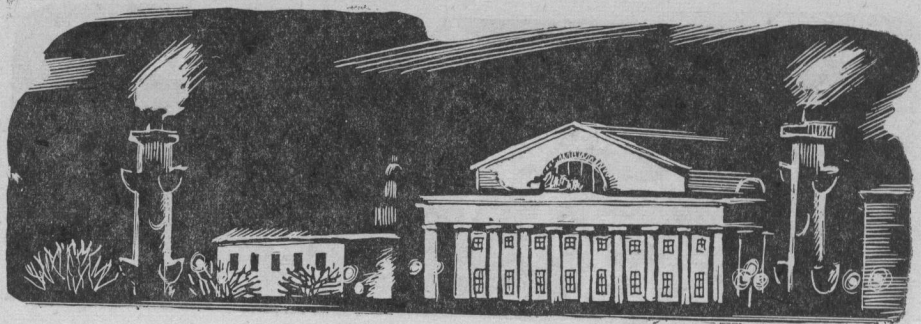
И вот грянула война.

Город мой родной! Мой любимый город на Неве. Как трудно, как тяжело пришлось тебе! Голод. Холод. Умирили те, кто любил тебя, кто тобой гордился, кто так недавно наполнял весёлым шумом жизни твои дома и улицы. Замерзали от холода. Погибали от артобстрелов, бомбёжек... И наперекор всему осатанелому — выстояли! Выстояли и сохранили вечную память об этих девяти сотнях дней — в новых парках Победы, в скорбном реквиеме — Пискарёвском кладбище. Прошло сорок лет с тех пор, как руками ленинградцев были высажены в новых парках тоненькие саженцы. Теперь они выросли в сильные деревья, и в солнечный день падает от них прохладная тень, и мягко шумит на ветру густая листва... А возле бегают дети, и далеко слышен их беспечный смех.

Городом-Героем назвали тебя!

По праву Герой, по невиданному мужеству, по силе духа, каким наделил своих детей Великий Октябрь! И есть чем гордиться живущим! И есть что рассказать потомкам!

Ты красив, город мой!

Тонкой акварелью вписаны вечные твои шпили и купола в бледные тона ленинградского неба. У парапета величавой Невы — пары влюблённых. У Вечного огня на Марсовом поле в почтительном поклоне замерли новобрачные. Чист, строг и прекрасен Невский. И мирная тишина в садах и парках. И мир в домах.

А сколько появилось новых домов! Целые районы. Да что там районы — города! Они окружили Петербург — Петроград просторными улицами и новыми проспектами, словно обняли его.

А город всё ширится. Уже вокзалы вросли в его центр, и электрички проносятся просто мимо домов по его виадукам. И снимаются трамвайные пути, вместо грохота и лязга — бесшумные резины троллейбуса и автобуса. А уж подземных поездов метро и вовсе не слышно. И всё больше огней. И самые высокие огни, уходящие в небо, — на телевизионной башне. Каждое утро я вижу её из своего окна. В солнечные дни — всю, а в мглистые — вершина её пропадает в облаках. По вечерам её освещает разноцветный неон, и тогда она становится похожей на весёлую новогоднюю ёлку.

Мне нравится ходить по своему району. Он расположен за Чёрной речкой. Уже давно ничего не осталось от той деревеньки, которая когда-то здесь была, и только сохранился лес, где убили Пушкина... Всё здесь теперь новое. Рядом с моим домом — громадное здание института Земного магнетизма и ионосферы, напротив — стооконная гостиница «Выборгская», неподалёку — громадный кинотеатр «Максим». И всюду высокие, многоэтажные дома. И в каждом — мои ленинградцы.

Как ты изменился, мой город! Новый — и всё же ни с каким другим тебя не спутаешь. Смольный и Дворцовая площадь, Зимний и Нева, Медный всадник и Ростральные колонны, Невский, мосты, Летний сад, станции метро, и памятник Ленину на броневике... Всё это — мой город. С каждым годом он становится всё красивее и светлее. И солнце ярче, и небо чище. И меньше туманов. Вроде и солнечных дней в городе стало больше. Может, он молодеет, город мой? Я счастлив жить в нём!

Будь счастлив и ты. Живи и здравствуй, мой город.

А осень ленинградская прохладная
Кончается. Пронзает ветер злой.
А женщина голодная, блокадная
Качается меж небом и землёй

Над шпилем позолоченным, закутанным,
Укрытым, как младенец, от беды...
Над луковкой, над маковкой, над
куполом.

(Потомок, оцени её труды!)

Под нею — бывший дом, а ныне —
скважина.

Бомбят. Но двум кончинам не бывать!
Страховка альпинистская налажена,
Да некому её подстраховать.

Как парус, мешковина бьётся, хлопает:
Осколочно-шрапнельное рваньё.
И если не осилит, не заштопает —
Никто не залатает за неё.

Обрушилось на землю мироздание.
Уже — ни расстрелять, ни разбомбить.
А женщина обмеривает здания,
Чтоб память для потомков сохранить.

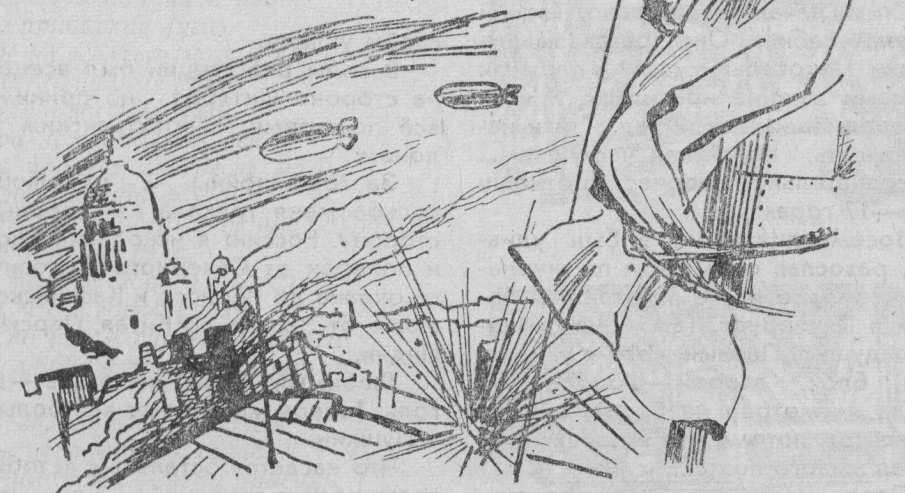

Рис. О. Филипенко

«Я — сын крестьянина...»

К 90-летию со дня рождения Сергея Есенина

Есть в русской литературе поэты, которых каждый человек открывает для себя сам. В своё время. Наедине с его стихами. И это прежде всего — Сергей Есенин, которому в нынешнем году исполнилось бы 90 лет.

Возможно, для кого-то из наших читателей первое знакомство с Сергеем Есениным произойдёт сегодня. Для них поэт расскажет им о себе строчками своей «Автобиографии».

«Я — сын крестьянина.

С двух лет, по бедности отца и многочисленности семейства, был отдан на воспитание довольно зажиточному деду по матери, у которого было трое взрослых неженатых сыновей, с которыми протекло моё детство.

Трёх с половиной лет они посадили меня на лошадь без седла и сразу пустили в галоп. Я помню, что очумел и очень крепко держался за холку...

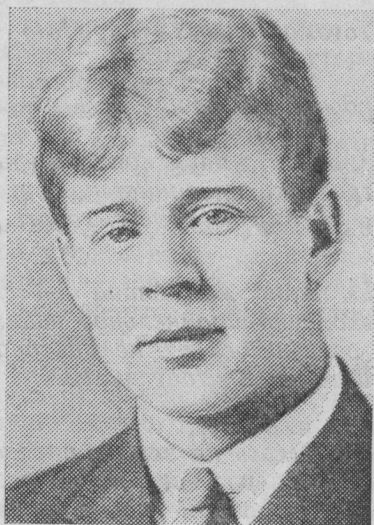
Потом меня учили плавать... Дядя брал меня в лодку, отъезжал от берега и, как щенка, бросал в воду.

...Среди мальчишек всегда был коноводом и большим драчуном и ходил всегда в царапинах...

Стихи начал писать рано. Толчки давала бабка. Она рассказывала сказки. Некоторые сказки с плохими концами мне не нравились, и я их переделывал на свой лад. Стихи начал писать, подражая частушкам... Но сознательное творчество отношу к 16—17 годам.

Восемнадцать лет я был удивлён, разослав свои стихи по журналам, тем, что их не печатают, и поехал в Петербург. Там меня приняли радушно. Первый, кого я увидел, был Блок, второй — Городецкий. Когда я смотрел на Блока, с меня капал пот, потому что в первый раз видел живого поэта...

После, когда я ушёл из деревни, мне долго пришлось разбираться в

своём укладе.

В годы революции был всецело на стороне Октября, но принимал всё по-своему, с крестьянским уклоном.

За годы войны и революции судьба меня толкала из стороны в сторону. Россию я исколесил вдоль и поперёк от Северного Ледовитого океана до Чёрного и Каспийского моря, от Запада до Китая, Персии и Индии.

Любимый мой писатель — Гоголь. Теперь меня тянет всё больше и Пушкин.

Что касается остальных автобиографических сведений, — они в моих стихах».

А вот как творчество Есенина вошло в жизнь поэта Льва Гаврилова.

Стихи я начал писать поздно, когда никто от меня этого не ожидал. Во время зимних студенческих каникул, на третьем курсе института, мне подарили книгу стихов Сергея Есенина. Маленькую. Зачитанную. Без обложки. Вечером я книгу прочёл, а ночью сочинил первое своё стихотворение. Со мной творилось что-то необъяснимое. Ничем другим заниматься не мог. Я тогда заболел удивительной и радостной болезнью — стихами, — которая не проходит до сих пор.

Мне много пришлось ездить по нашей стране, но не был я, к сожалению, в Константинове — на родине Сергея Есенина. Надеюсь, что однажды, в октябре, я приеду туда и прочту эти стихи.

Лев ГАВРИЛОВ

ПАМЯТИ ЕСЕНИНА

...Над Окою — неба просишь,
Над Окою — облака.
Горожанин сено косит
По обочине лужка.
Под берёзкою штиблеты,
Брошен около пиджак,
Бабы, глядя на поэта,
Тихо шепчутся:
— Чудак!
Мужики ему толкуют:
— Брось ты косу!
Остудись!
Да про жизнь, про городскую,
Хоть бы слово...
Как там жизнь?
...Вдоль по скошенной полоске
Он пройдёт по стерне,
Непричёсанной берёзке
Улыбнётся как родне,
Глянет в облачное небо,
На приокские луга,
Где за жёлтым морем хлеба
Спят округлые стога.
Голубыми вечерами
При лампадном огне
Он прочтёт сестре и маме
О персидской стороне.
Слышен грустный скрип колодца
На окраине села,
А за ним дорога вьётся
Та, что в город увела.
И по ней в сирень рассвета
Он уйдёт в последний раз...

Здесь, на родине поэта,
Мы встречаемся сейчас.
И над нами — неба просишь,
И над нами облака, —
Юный ветер водит осень
По обочине лужка.

Рис. Л. Уральской

МИХАИЛ ГЛИНКА
ПЕТРОВСКАЯ
НАБЕРЕЖНАЯ

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ
ЧАСТЬ II

РИСУНКИ
Ю. ШАБАНОВА

БРЮКИ
В ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЬ
САНТИМЕТРОВ

До войны у Мити была няня — Евфросиния Матвеевна. Няню и всё то, что было до войны, Митя помнил очень смутно. Помнил только, что няня жила в угловой комнатке, которая выходила в сад высоким узким окном. Около этого окна особенно густо вился хмель. Няня всегда была причёсана очень гладко и глядела строго. Если она смотрела на Митю из окна, значит, нужно было сразу же что-то сделать. И не вздумай избражать, что не заметил.

Теперь, после войны, няня опять жила в своей деревне под Новгородом и писала бабушке, чтобы приезжали к ней на лето в деревню.

Получив письмо, бабушка взволновалась. Да и как тут было не взволноваться — у неё вся жизнь была связана с тем домом, который сгорел, а няня, так рассказывала бабушка, являлась в том доме главным человеком. Возможно, это произошло потому, что няня гладко причёсывалась и умела как-то особенно смотреть.

Теперь няня звала бабушку и Митю летом приехать, и это опять

было вроде того, что смотрит она из своего окна строго. Попробуй только не послушайся!

Если ехать вместе с Митей, то бабушке надо было ждать до конца июня, когда Митю отпустят на каникулы, но это совсем нескладно бы вышло — вся работа, к которой она собиралась приладиться в деревне, была весенней. Бабушка взволновалась и спросила у Мити — сможет ли он приехать в деревню потом, один, без неё. Бабушка спросила его об этом с сомнением. Если бы он ответил, что не может без неё, то сомнения отпали бы. Но так как он радостно согласился, то сомнения у бабушки не только не отпали, а лишь усилились. Митина готовность, по её мнению, означала лишь то, что он ещё совсем мал и не понимает трудностей дороги, которые ему предстоят. К тому же бабушка никогда ещё его без присмотра не отпускала, училище, понятно, не в счёт — там за ним смотрели в десять глаз.

Бабушка взволновалась, но собралась и в середине мая уехала, а Митя, когда их опрашивали, кто куда поедет в отпуск, сообщил, что едет в деревню Зарицы Новгородской области. Туда ему и выписали проездные документы. Двадцать восьмого июня он получил их из рук начфина, расписался и стал на сутки совершенно взрос-

Продолжение. Начало в «Искорке» № 8, 9.

лым и совершенно самостоятельным человеком.

Документы эти выглядели очень серьёзно — на железнодорожной литературе проступал под словами и цифрами большой бледно-голубой якорь, и сразу всем, кто такой листок видел, становилось понятно, что обладатель его — полноправный военный моряк. А на том документе, по которому Мите должны были выдать билет на пароход, распласталась большая розовая пятиконечная звезда, чем подтверждалось, что если посуху он едет бесплатно как моряк, то уж по воде ещё и как военнослужащий.

На вокзале Митя разыскал воинскую кассу, в которую стояли матросы и солдаты. Когда он встал в очередь, то по очереди явно прошло какое-то волнение — не пропустить ли нахимовца вперёд. Но — кто демобилизовался, кто спешил в отпуск, а кто и торопился из отпуска — попробуй тут опоздай! На лицах у этих взрослых парней и дядек отразилась неловкость, однако вперёд его всё же не пропустили. Раз погоны носит — можно считать за равного. Просто — принялись с ним всю разговоривать и сказали, чтобы вещевой мешок свой он поставил в сторонке, никто, мол, его не возьмёт.

Часам к двум дня Митя, отстояв длинный хвост, получил билет до станции Волховстрой и отправился на платформу ждать своего поезда. Он подумал, что если бы бабушка сейчас видела, как он относится к первому своему самостоятельному путешествию, она бы больше никогда за него не боялась. Митя пришёл на платформу раньше всех — за час до того, как подали поезд. Платформа была пустой. Шли последние дни июня. Недели полторы уже не было дождя, и город лежал в тяжёлой истоме. Митя парился в своей суконной форме. Прошло с полчаса. На платформе стали появляться люди. Митя на

всякий случай у разных людей уже несколько раз спросил, на эту ли платформу подадут поезд, и теперь, чтобы увидеть поезд первым, ушёл на самый её дальний конец.

Поезда всё не было. Чтобы убить время, Митя решил сосчитать, сколько же шагов в длину эта огромная платформа имеет, но он сделал всего шагов десять и увидел, что со стороны вокзала по платформе движутся трое — офицер в сухопутной форме, а за ним двое то ли солдат, то ли курсантов. У всех на рукавах были красные повязки. «Патруль», — подумал Митя. Он мысленно оглядел себя со стороны. Придаться вроде бы не к чему... «Как это не к чему? — холодея, подумал он. — А брюки?»

Училищные брюки — мешковатые сверху и узковатые снизу — он утром, перед тем как ехать на вокзал, мгновенно сменил дома на другие. Другие были недавно выменяны у выросшего из них старшеклассника. Бабушка ужаснулась, узнав о Митиных комбинациях, тем более, что в обмен с его стороны пошла моделька прожектора береговой обороны — вроде бы и его игрушка, а в то же время — единственный уцелевший после войны предмет, напоминавший бабушке о том времени, когда они с дедом перед японской войной жили в Свеаборгской крепости. Но брюки были лихие — сверху, как говорится, в облипочку, а внизу вообще восторг — носок ботинка точнёхонько скрывался под штаниной — миллиметр в миллиметр.

Патруль не спеша двигался по платформе. Нет, рисковать было нельзя! Ведь Митя целые два месяца мечтал, как поедет в деревню! Он представил себе, как его ведут в комендатуру, дают десять суток и отбирают от него проездные документы. Почему Митя советовал бабушке приехать за ним из деревни?! Сейчас стоял бы он рядом с ней, и никакому пат-

рулю не пришло бы в голову отнять его от неё.

Делая вид, что не видит патруля, Митя не спеша повернулся и, как бы имея ясную цель, опять двинулся к концу платформы. А конец-то был вот он, совсем рядом.

Митя спустился с платформы по цементным щербатым ступеням и пошёл вдоль путей. Всё это не спеша, но так, будто там, где всё гуще переплетались голубоватые рельсы, было у него какое-то обязательное перед отправкой дело.

Ему навстречу шёл замасленный, зелёно-брезентовый дядька.

— Тебя ж зовут! Чего не оборачиваешься? — спросил дядька, поравнявшись с Митей.

— Кто зовёт?

— Да вон!

Не надо было Мите оглядываться. Ох, не надо! На краю платформы, не спускаясь вниз, стояли те трое. Офицер властно махнул Мите рукой — давай-ка, мол, сюда. Чертыхнувшись про себя на замасленного дядьку, Митя двинулся к патрулю.

— Поднимайтесь сюда, — приказал офицер.

Митя поднялся на платформу.

— Доложите, кто такой.

Митя доложил.

— Документы, — приказал офицер.

Митя достал отпускной билет и проездные литеры. Деревня, куда он так спешил, стала удаляться. Как в той детской настольной игре, когда попадаешь на ту клетку, с которой по ледяному скату летят обратно на клетку № 1.

Офицер внимательно рассматривал Митины документы.

— Почему пытались скрыться, нахимовец Нелидов?

— Я не хотел скрыться...

— Не надо врать. Скрыться пытались. Какие у вас причины избежать встречи с патрулём?

Митя молчал, только плечом пожал — нет, мол, никаких причин. И тут снова обнаружился этот «брезентовый», которому яв-

но хотелось, чтобы Митю за что-нибудь забрали. «Брезентовый» не ушёл по своим делам, а зачем-то торчал рядом.

— Как же не скрывался! — влез он в разговор. — Куда тебя понесло? В депо, что ли? Там же ничего больше нет! Депо только!

— А вы идите, идите, гражданин, — сурово сказал офицер. — Мы разберёмся...

— А то тут одни ходили... — не унимался «брезентовый». — А потом смотрим...

— Я ведь сказал вам! Мы разберёмся сами.

И два курсанта, теперь Митя видел, что это курсанты, в упор посмотрели на «брезентового».

— Ну так что? — спросил офицер у Мити. — Ответите правду?

Мите вдруг стало всё равно. В комендатуру заберут, это точно, и вместо отпуска он будет мести двор или мыть кафель в коридорах... И не будет речки, о которой рассказывала ему бабушка, не будет он ловить рыбу, не будет с няниным внуком Костей жечь ночью костёр...

— Я жду, — сказал пехотный офицер.

— Ушёл на всякий случай.

— Как это «на всякий случай»? Чего вы боитесь?

— Не знаю, — сказал Митя.

Шикарные брюки замечательно закрывали носки ботинок — сейчас из-за них он лишится месяца отпуска. Стоило меняться, стоило сегодня лететь домой переодевать их...

— Эх ты... А ещё офицером собираешься быть!

Старший патруля протягивал Мите его документы. «Шутит? Или спасение?»

— А почему ты в форме три, а не в форме два?

Душа Мити металась, как птица. Он ещё был в клетке, но клетку приоткрыли.

— Почему в форме три? — повторил офицер.

Форма номер три — это была та суконная, в которой Митя сей-

«Митя спустился с платформы по цементным щербатым ступеням и пошёл вдоль путей».

час парился, форма номер два — белая полотняная форменка — лежала у Мити в рюкзаке.

— Мне всю ночь ехать, — сказал Митя. — Испачкаю. А в отпуске ведь разрешается...

— Ну хоть это знаешь, — улыбнулся офицер. — Забирай свои документы и запомни... Знаешь, что запомнить?

— Знаю.

— Садись в поезд, — сказал, ещё раз улыбнувшись, офицер.

«Слава богу, что он сухопутный, — думал Митя, входя в вагон. — Откуда ему знать про ширину флотских брюк?»

На платформе по-прежнему стоял патруль. Все окна в вагоне были раскрыты, и Митя сел около одного из них.

— В какую деревню ты едешь? — вдруг спросил офицер, увидев Митю в окне. — Не в Устрику?

— Нет. В Зарицы.

— А... В Зарицы. Ну, это немного не там... Ладно. Счастливого тебе пути. А какой ширины тебе положено иметь брюки — не помнишь? — И, ещё раз улыбнувшись помертвевшему Мите, офицер двинулся вдоль платформы.

ПАРОХОД «ВСЕСОЮЗНЫЙ СТАРОСТА»

В поезде все как-то быстро узнали, что Митя едет один. Были там и всякого рода взрослые, и люди с детьми, а вот Митя и не взрослый, а ехал, как взрослый. Всего тринадцать лет, а у него документы, как у настоящего военного... Малое ли дело! На Митю смотрели с уважением, как на взрослого пассажира, он и вёл себя как взрослый.

— Это ваше место? — спрашивала.

— Моё. Но я пока могу встать, чтобы вам было удобно...

И вставал, и отходил, чтобы соседям было удобно и пройти и

на полку влезать. Как взрослый пассажир, он и сидел молча, и в тамбур время от времени выходил, будто бы покурить, хоть и не курил, и на столик книжку положил, хоть и не читалось. Очень Мите нравилось быть взрослым.

Сначала все окна в поезде открывали настежь, потом первыми опомнились те, у кого были маленькие дети, а потом и все остальные почувствовали, что ветер стал холодней. Лес, сквозь который шёл поезд, потемнел.

— Окна, окна закройте! — закричали по вагону, но окна закрывались не все, некоторые заклинило, и когда хлынул ливень, то на боковые сиденья потекло.

— Ну, бог послал, бог послал, — серьёзно и быстро говорила соседка Мити, белёсая светлоглазая старушка, и мелко крестилась.

Дождь прошёл скоро, и это Мите тоже понравилось — путешествие его от этих перемен становилось вроде ещё длиннее, а он и полпути ещё не достиг.

Потом поезд остановился перед огромным мостом через широкую тёмную реку, и Митя увидел, что под высоким берегом стоит полускрытая деревьями и кустами пристань, а около пристани старый большой пароход. Митя спрыгнул со ступенек вагона вниз, платформы здесь не было, сверху ему скинули его вещмешок, и, помахав своим попутчикам, Митя пошёл к пристани.

Так же, как перед железнодорожными кассами, ему казалось, что тут все поразятся его проездным документам, но кассирша равнодушно взяла в руки его билет и, даже не взглянув на него, выписала Мите билет до Старосольска.

Пароход был очень старый. В огромном круглом кожухе посредине борта находились у него водяные колёса, а лопастями колёс служили обыкновенные доски. Митя с удивлением их рассматри-

вал — изображение таких пароходов он видел на картинках своих детских книг, когда-то такие пароходы плавали по Волге, по Днепру и даже по Миссисипи. Том Сойер и Гекльберри подплывали ночью именно к таким.

Пароход, который стоял сейчас у пристани, назывался «Всесоюзный староста», его рейс был специально подгадан под приход того поезда, на котором приехал Митя. По берегу, подтаскивая чемоданы и тюки, к пристани ещё двигались сошедшие с поезда, и старик со ржавым, похожим на воронку для керосина, рупором, выйдя на кособок, жестяным голосом торопил отстающих.

А на палубе уже было полно народу. Сновали, взад и вперёд деревенские тётки с мешками через плечо. Мужчины в старых гимнастёрках волокли обвязанные верёвками огромные чемоданы. Мешались под ногами дети. Но всех перекрикивали цыгане — на пароходе их был уже целый табор, они спорили, орали и время от времени обращались в сторону угрюмого смуглого дядьки с синеватой бородой. Два цыганёнка сразу же подошли к Мите, заворожённо глядя на его ремень с бляхой, и предложили меняться. Митя отошёл. Что бы они дали взамен — он спрашивать не стал.

К Митиной бескозырке потянулся сопливой ручкой маленький мальчик, который сидел на руках у матери. У мальчика были напухшие желёзки. Мать, почти девочка, запаренно оглядывалась на берег и норовила одной рукой передвигать по палубе свои тяжёлые вещи. Митя, не говоря ни слова, помог. Но мальчик в это время всё-таки сцапал его за край бескозырки, да ещё как сцапал — пальчики так и отпечатались!

— Вася! Что же ты?! — вскрикнула Васина мама и поставила сына на палубу. — Пстой хоть минутку!

Вася засмеялся во весь свой беззубый рот.

Но тут обрушилось небо — взревел пароходный гудок. Митя, да и не только Митя, все, кто был вокруг, содрогнулись — звук этот с непривычки был невероятным. Гудок ещё ревел, когда Митя, опомнившись, бросил взгляд на маленького Васю. Вася стоял с распахнутым ртом, головка его запрокинулась. Митя подумал, что малыш сейчас просто свалится от ужаса. Он быстро подхватил Васю на руки. Вася, конечно, заорал, да ещё как! Но всё-таки ему уже было куда уткнуться!

Митя почувствовал себя большим и сильным. Но какой Вася, однако, оказался тяжёлый!

— Давай, давай, ори громче! — сказала Васина мама и, задев Митю по лицу своими растрёпанными волосами, отобрала от него ребёнка. А Вася, хоть ещё вскрикивал и всхлипывал, опять тянулся к Митиной бескозырке и смотрел только на него.

Пароход шлёпал плицами. Митя плыл на судне в первый раз. И, слава богу, он плыл сейчас один, и не было здесь никого, кто бы знал, что он, единственный пассажир в морской форме, отчалил от берега впервые. Шлюпки в летнем лагере были, конечно, не в счёт — шлюпка она и есть шлюпка, это не судно...

«Всесоюзный староста» двигался вверх по Волхову. День шёл на убыль, солнце всё ниже склонялось над лесами, мимо которых плыл сейчас «Всесоюзный староста», а Митя стоял у поручней один и легко представлял себе, как из такого леса к такому берегу спускается дружина в кольчугах, как мохнатые лошади с длинными гривами, пофыркивая, тянут к холодной чёрной воде чуткие ноздри, а из омута на усталого князя смотрит, сидя под корягой, лукавый обманщик и неожиданный покровитель — водяной. Ничего подобного на берегу Невы Мите в голову не приходило, а тут яви-

лось само собой... Очень уж под-
ходящие они проплывали места...
Может, и правда здесь живёт та-
кое?

И тут к Мите подошёл один
весёлый, это сразу было видно,
что весёлый, парень и сказал:

— Ну что, моряк, скучаешь?
Показать пароход-то? А? Хочет-
ся ведь? По глазам вижу, что ни-
чего ещё не знаешь.

И так он весело это сказал, так
необидно, что Митя ничуть и не
обиделся. «А ведь и правда, я ни-
чего о пароходе не знаю», — вдруг
с облегчением, что не надо при-
творяться бывалым моряком, по-
думал Митя.

— Ну, хочешь?

— Хочу.

— Пойдём.

Они спустились на ту палубу,
которая, когда отходили, была
вровень с пристанью. Потом спу-
стились ещё на одну — ещё ниже.
Потом парень открыл какую-то же-
лезную, всю в поворотных крюках,
дверь — и Митю обдало таким шу-
мом и грохотом, какого он в жиз-
ни ещё не слышал, а прямо перед
ними почти отвесно вниз уходил
железный, добела натёртый по-
дошвами трап. Да как глубоко!
Глядя на пароход с берега, Митя
мог представить, что тот глубоко
погружён в воду, но тут трап ухо-
дил, как в котлован, и весёлый
парень, а за ним и Митя всё спу-
скались и спускались и никак не
могли долезть до низу.

От грохота, который теперь
слышался уже не снизу, а отовсю-
ду, Митя сразу оглох. Колоссаль-
ные стальные колёса и шатуны
двигались совсем рядом. Быстро
и плавно, вздымаясь и опадая, с
чавканьем и хрипом — вперёд и
назад. А какой-то, страшной тол-
щины, круглый шток без устали
вдвигался и выдвигался из круг-
лого чугунного барабана. И всё
это было намащенное, горячее,
могучее... Мите казалось, что по-
пади сейчас между этими деталя-
ми что-нибудь живое — мышь, ко-
рова, даже слон — эти чудовищ-

ные детали и не почувствуют и
всё так же, чавкая и хрипя, раз-
меренно и могуче будут выполнять
свою в едином ритме задуманную
работу.

Митя с весёлым парнем, кото-
рый кричал ему на ухо что-то, что
Митя совершенно не мог расслы-
шать, стояли сейчас на ребристом
железном переходе прямо над ры-
чагами и кривошипами, и Митя,
содрогаясь, подумал: «А если не-
чаянно поскользнёшься?!» Ужас-
но, устрашающе огромна была
эта машина...

— Ну что? Интересно? Что? —
сложив ладони бочонком, крикнул
ему «весёлый», и Митя закивал
головой.

Клапаны и трубопроводы, всё
живое, вибрирующее, с подпрыги-
вающими предохранительными
крышечками, с водомерными стёк-
лами, в которых плясали уровни,
стальное, красно-медное, латун-
ное, лоснящееся от смазки, или
чугунно-чёрное, или ровно серо-го-
лубое, без малейшей крапинки
ржавчины — это огромное пере-
плетение было... красиво! Да, да,
красиво! Митя видел работающую
паровую машину впервые, и он
глаз не мог оторвать от этих сопя-
щих штоков и маховиков, от за-
вораживающего падения и мощно-
го, словно бы безо всякого усилия,
взлёта кривошипов. И Митя подум-
ал, что, наверное, на боевых ко-
раблях всё это так же интересно
и там такая же мощная машина,
а может, и ещё мощней.

Митя понял, что от этих глав-
ных маховиков, которые сейчас
под ним вращались, и отходят те
самые оси, на которых сидят са-
ми водяные колёса.

— А как же вы поворачиваете? — крикнул он «весёлому». —
Тогда ведь нужно, чтобы колёса
крутились с разной скоростью?
Как поворачиваете? Только ру-
лём?

— Нет, — ответил тот. — Эта
машина левого борта, есть ещё
одна, такая же, вторая.

«Митя видел работающую паровую машину впервые, и он глаз не мог оторвать от этих сопящих штоков и маховиков...»

Вот это да! Мало того, что Мите всё показалось здесь страшно громадным, так это всего-навсего лишь половина!

Машина вздыхала и грохотала, огромные стальные локти вскидывались и снова опадали... Как замечательно, что он, Митя, ехал один, ведь если бы он ехал с кем-нибудь, никогда в жизни весёлый парень не позвал бы его в машинное отделение. А теперь, когда Митя увидит своих ребят, ему будет что порассказать — едва ли кто-нибудь из них вот так же, как Митя, подробно видел машинное отделение.

А вот бы что-нибудь здесь самому повертеть! Какой-нибудь клапан или рычаг, чтобы от этого машина стала работать медленнее или, напротив, быстрее, или гудок бы включить, чтобы когда придётся рассказывать, то небрежно упомянуть — «дал я, значит, гудок»...

Заглянули они в кочегарку. Голый до пояса дядька, тёмно-красный, как индеец, швырял огромным совком уголь в полыхающий рот печи. Кочегар кивнул Мите и показал ему глазами на вторую, лежащую без дела, лопату — бери, мол. И Мите на миг стало неловко, вроде, действительно, раз уж он плыл на пароходе, так надо бы и помочь, но «весёлый» что-то прокричал кочегару и ладонью под спину вытолкнул Митю из кочегарки.

Теперь, когда Митя сам увидел угольную топку и понял, которая из частей машины — паровой котёл, то он распознал и цилиндр. В цилиндре ходил главный паровой поршень... Вот оно, то место, где рождалось движение! Мите казалось, что он не только чувствует, но уже и видит, как от этого сердца всего парохода расползалась во все стороны энергия — двигались и вращались не только крупные мощные колёса и валы, множество деталей поменьше и полегче тоже ходили туда и сюда, вращались и бегали, а за-

тем был отряд и самых мелких, по которым энергия добиралась, наверное, по самым узким трубочкам или по самым тонким штокам — они тоже сновали вовсю, добавляя в общий гул свои тонкие, но, несомненно, такие необходимые ноты!

Вот это был оркестр! Ещё полчаса назад грохот машинного отделения казался Мите хаосом звуков, бессмысленным страшным шумом, но стоило ему уловить осмысленную причинность движения одной детали от связи с другой, и тот же самый шум вдруг стал чуть ли не музыкой! Как всё оказалось сложно и как интересно! А ведь таким старым и таким простым казался этот пароход снаружи!

— Ну что, наверх? — крикнул парень.

А Мите не оторваться было, он смотрел и смотрел на машину, и ему казалось, что что-то новое родилось в его душе, когда он увидел всё это вблизи.

— Ты с кем плывёшь? — поднимаясь с Митей по трапу, спросил парень. — С кем из взрослых?

— Я один.

— Как один?!

— Один.

— Ну, раз один, так учти, что ужин у нас в девятнадцать. Пойдём, покажу тебе, куда придёшь. — И вдруг посмотрел на Митю: — Да нет, ты сам не придёшь, ну тогда вот что... без пяти девятнадцать будь вот на этом месте, где я тебя сейчас оставлю. Понял?

— Может, не надо...

— Слушай старших! Значит — без пяти. Договорились?

На палубе было ещё тепло, но уже свежестью вечера тянуло от воды. Волхов тёк то между низких заливных лугов, то на одном берегу вдруг опять вставал древнерусский тёмный лес. Вот берег поднялся и лес раздвинулся, и на открытом просторном месте Митя увидел развалины кирпичных зданий — торчало вверх несколько

труб, осыпавшееся кирпичное крошево горой стояло у их подножия.

— Знаешь, что это такое было? — спросил сидящий на скамейке человек. Митя посмотрел на него — это был пожилой человек в тёмном берете. Он опирался обеими руками на тросточку с белой костяной рукояткой, серый плащ его висел сзади на спинке скамейки.

— Это фарфоровый завод был. Про Кузнецовский фарфор слышал?

— Да, — сказал Митя. — То есть нет.

Митя почти всегда так отвечал. Даже если ему и казалось, что он знал, слышал, умел. Потому что уж лучше так ответить, чем потом сразу же понять, до какой степени ты мало знаешь и ещё меньше умеешь. Лучше уж пусть тебе расскажут.

Но человек с тросточкой совсем не стал читать лекцию, хотя и казалось, что вот-вот начнёт.

— Лучший фарфор России, — только и сказал он и, глядя на развалины, горько махнул рукой. — Сколько ещё надо всего поднимать... Так, а где ты сидишь, Аника-воин? Место-то где твоё?

— Я вот тут... стою.

— Но ты же не прстоишь до утра?! Где твоё сидячее место?

Сидячего места у Мити не было.

— Ну, будешь тут, — сказал человек с тросточкой и решительно посмотрел на всех сидящих на его скамейке. — Подвиньтесь чуть-чуть, граждане. Вот молодому моряку вообще сесть негде...

Митя робко повиновался. Но каким уютно затиснутым сразу почувствовал он себя между надолго севшими здесь людьми, так убаюкивающе чавкали по воде дощатые плицы, так мощно и спокойно сквозь несколько палуб дышала из трюма теперь уже знакомая Мите надёжная шумная паровая машина. И такой длинный, полный волнений был у Мити

день, что он сразу задремал, уронив голову на плечо приютившего его человека. А человек с тросточкой рассказывал о том, что на Волхове было любимое имение поэта Державина — Званка. Потом — о мрачном Аракчееве, любимце Александра I, имение которого — Грузино тоже стояло на Волхове и тоже, как Кузнецовские заводы, сгорело во время войны. О Лермонтове, служившем на Волхове в местечке Селищи. Ещё что-то о местечке Муравьи... И Мите сквозь сон мерещились огромные, всё возрастающие муравьи. Но ничего поделывать с собой он больше не мог.

— Эка малец умаялся, — вздохнула сидящая на кулях с неведомой поклажей востроногая бабка. — Маленький такой, а матрос. Эх, война!

Потом Митя почувствовал, как кто-то, взяв его за руки, тянет со скамейки. Ничего не понимая со сна, Митя пошёл за тем, кто его тянул. Они спустились на несколько ступенек, провожатый открыл какую-то дверь и сказал голосом «весёлого»:

— Ложись вот тут.

И бросил в ноги койки Митин вещевой мешок.

Проснулся Митя оттого, что заболел. Во всём теле ныла противная слабость, голова плыла, а главное — тошнило. Вот подкатило к самому горлу... Митя рывком сел на койке — но каюта не остановилась, а продолжала крениться то в одну сторону, то в другую. «Озеро, — понял Митя, — Ильмень. Вот оно, значит, как, когда качает». Но в этот момент каюта опять стала крениться в ту сторону, которая была почему-то особенно неприятна Мите, и он кинулся к двери. Как он ни торопился, но при свете тусклой лампочки успел заметить, что на столике стоит тарелка с какой-то едой. Еда! От одного напоминания о еде Митю пробкой вынесло наверх, к борту. Он едва успел добежать до борта и схватиться за поручни... Когда

ему стало полегче, он подумал о том, что, слава богу, на палубе темно, и ещё хорошо, что он не успел надеть в каюте бескозырку — была бы сейчас за бортом.

Митиного позора никто не видел, хотя многие пассажиры на пароходе не спали. Однако, походив по пароходу, Митя подумал, что он ещё ничего, можно даже сказать — молодец. Ну, отдал рыбам то, что до этого ел, но сейчас-то в порядке — и ходит, и разговаривать может, а бабки на уздах, те прямо стонали в голос, и цыганки тоже, ребятишки цыганские уже не шкодили, а залегли около родителей. Палуба была сейчас, как планета, где собрались одни тяжелобольные.

— Ну что, адмирал, с ночным обходом пришли? — спросил Митю человек с тросточкой. Он всё сидел на своём старом месте, лишь плащ надел, а так, видно, глаз ещё не сомкнул.

— Который час, не скажете? — спросил Митя.

— Да сейчас не увидеть. Но я думаю, что часа через два будем на месте. А ты что ж, дружок, Новгород проспал? Бывал там когда-нибудь?

Митя покачал головой.

— Важнейший в нашей истории город.

И опять в голосе человека было что-то такое, отчего Митя предположил, что сейчас будет длинная и подробная лекция, но лекции не было.

— Хотя города сейчас ещё, считай, нет...

И человек с тросточкой посмотрел назад, туда, где в ясной ветреной дали светились какие-то огни.

На палубе было свежо, Митя почти замёрз, но голова снова стала ясной, и он, глядя на тех, кого по-прежнему мучила морская болезнь, жалел их, но сам себя уже не считал с ними заодно. И когда он нашёл своего весёлого моряка, то тот, глядя на Митю, даже не спросил — укачало ли

его. И так было очевидно, что Митю и не укачивает вовсе. Только когда весёлый моряк спросил Митю, съел ли тот оставленное ему в каюте, Митя, секунду помедлив, сказал, что не голоден. «Весёлый» тоже помедлил и спросил Митю — не хочет ли тот постоять на руле. На такой вопрос можно было ответить только одним образом, и через десять минут оба они уже стояли в капитанской рубке и Митин приятель — оказывается, начиналась его рулевая вахта — учил Митю стоять на штурвале.

«Всесоюзный староста» в рассветном сумраке, приглядываясь, входил в устье реки по расставленным в озере буям. Целых два часа участвовал Митя в осторожном ходе парохода вверх по реке. Конечно, река эта была уже не чета огромному полноводному Волхову, но надо было всё время быть начеку. «Всесоюзный староста» подходил к просыпающемуся Старосольску.

Когда весёлый парень сказал Мите, чтобы тот, встав на табуретку, потянул вниз и держал десять секунд проволочную рукоятку гудка, Митя сразу вспомнил маленького Васю. Но так искушающе было желание самому дать гудок, что Митя отбросил все свои человеколюбивые мысли — уберечь, унести куда-нибудь внутрь парохода маленького мальчика с набухшими желёзками. Митя, зажмурив глаза, потянул за рукоятку и почти повис на ней.

Страшный гудок вызвал у него восторг, это ж давал его он сам! Гудок сотряс старые улицы, церкви и гостиный двор. И гудок этот был радостный, потому что не может быть для небольшого города приход большого парохода не радостным событием. И пароход, конечно, тоже был рад встрече, иначе зачем бы он столько часов подряд карабкался вверх по течению Волхова и пересекал Ильмень-озеро, которое готово встать на дыбы в любую, самую тёплую и летнюю пору, погоду, будто в глубине его

до сих пор идёт пир по поводу прибытия купца Садко.

В Старосольске на пристани, не смотря на то что пароход пришвартовался на рассвете, Митю уже ждали, о чём он хотя и должен был помнить, но почему-то начисто забыл. Подтянутая, чуть ли не спортивная старушка в бодрой небольшой шляпке с искусственными незабудками оживлённо и прямо смотрела на Митю ещё с причала, а когда он шагнул со сходни, то она уже протягивала ему ладонью книзу свою маленькую, но ещё очень сильную руку.

— Здравствуйте, Митя, — сказала она. — Или, всё-таки, здравствуй? Я — Нина Клементьевна. Мы с твоей бабушкой вместе учились. Это было сто лет назад. Ну что, сразу будешь ловить машину или зайдёшь ко мне выпить кофею?

И Мите, которому показалось, что на его уже столь законную, столь заработанную взрослым и разумным его поведением самостоятельность незаслуженно и коварно покусались, ощутил вдруг небывалый голод. Было часов пять утра. Страшно не терпелось поскорее добраться до Зариц, увидеть речку, но — как хотелось есть!

— Ясно, — сказала Нина Клементьевна. — Я живу вон в том доме. Через полчаса ты будешь свободен. Впрочем, до семи никаких машин всё равно не будет.

Когда потом, через много лет, Митя вдруг собрал в памяти всех приятельниц своей бабушки, с которыми в разных городах ему случалось встречаться, то вспомнил он в первую очередь эту бодрость и какие-то весёлые, оживлённые глаза. Старушки были разные и по характеру, и по внешности, и по привычкам, и, конечно, по тому, как у каждой из них сложилась жизнь, но ни одна из них не жаловалась, хотя опять-таки, лишь потом понял это Митя, через жизнь каждой прошли несколько войн, каждая теряла близких, и почти все к концу жизни были одиноки.

С Митей говорили они только о том, что, по их представлениям, Мите могло быть интересно. Нине Клементьевне, например, казалось, что Мите интересно знать, какой была в детстве его бабушка. И пока он ел что-то хрустящее и что-то горячее и сладкое пил (тонких тарелочек и чашечек было всех по одной), она успела кое-что рассказать. Митя смутно помнил, что прадедущка его, бабушкин отец, был народником, знал, что прадеда ссылали, помнил, что тот был то ли горным инженером, то ли инженером путей сообщения, не знал только, что и в ссылке прадедущка продолжал как инженер работать: руководил взрывными работами при проводке тоннелей между Туапсе и Сухуми.

— А там в горах много змей... — приветливо улыбаясь, говорила Мите Нина Клементьевна. — А змеи, как известно, очень любят тепло. Так вот однажды ночью твои прадед и прабабушка проснулись оттого, что позванивают бубенчики. Зажгли лампу и видят — по полу ползает несколько змей и у всех на шеях бантики и бубенчики. Это им Маша, твоя бабушка, днём, когда с ними играла, привязала.

— Ядовитые? — спросил Митя.

— Не знаю. Скорей всего...

Старушки в маленьких городках сообщали Мите, что его бабушку не кусали ни змеи, ни бешеные собаки. Что бабушка однажды, в детстве конечно, поняв, что классная дама подозревает её в обмане, — лишилась чувств. Классная дама полагала, будто контуры Африки, которые нужно было вычертить по памяти, бабушка заранее обозначила уколами булавок. Классная дама ходила потом в лазарет и просила прощения.

Митя уезжал на попутной машине, и старушка в маленькой шляпке с искусственными незабудками оживлённо махала ему маленькой рукой, и он знать не знал, что она вставала встречать

приходившие с рассветом пароходы уже целую неделю, поскольку бабушка, проезжая городок, могла назвать своей приятельнице как временной ориентир лишь конец июня. Более точных сведений сам Митя, боясь опеки, специально не сообщал.

— Ну, как? Как ты? Всё ли хорошо? Ничего в дороге не случилось? — через несколько часов спрашивала Митю бабушка, держа его голову между своих ладоней, отчего Митя слышал плохо. Бабушка глядела и не могла наглядеться в его глаза. — Ничего не случилось? Только — правду!

А Митя, который потратил всего полдня на то, чтобы преодолеть при помощи четырёх почти попутных грузовиков тридцать километров, отделяющих Старосольск от Зариц, был уверен, что совершенно искренен, когда ответил бабушке, что в пути у него не бы-

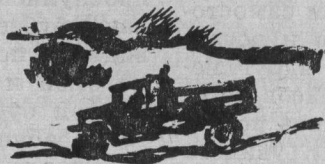
ло ни задоринки. Так что даже и рассказывать нечего.

— Ну да, ври больше, нечего ему рассказывать, — сурово сказала няня Евфросиния Матвеевна. Она повернула Митю к себе и тоже долго на него смотрела. Потом отвела глаза на бабушку, обе покачали головой, и бабушка отвернулась.

Митя знал, что это означает. Это означало, что няня Фрося тоже подтвердила: Митя всё больше походит на папу. А для няни Фроси это было важно, даже особенно важно, потому что вообще-то няня Фрося сначала была няней у его папы, потом у двух его младших братьев, Митиных дядей, которые тоже погибли, а Митя у неё был уже напоследок.

Но Мите было не до того, чтобы сидеть со старушками. Он спешил переодеться — ведь смешно бежать на речку в форме! Да ещё босиком.

(Продолжение следует)

Алла ЗАЦАРИННАЯ

ДОРОГИ

По сторонам взгляните —
Дороги, будто нити,
Спешат, пересекаются,
Одна с другой сливаются.
И на земле, и на воде —
Им не видать конца нигде.
Как будто шар земной — клубок.
Клубок из ниточек-дорог!

Рис. Л. Московского

Про Отца дайн, который построил им дом и навеки

ВЫВЕЛ ИХ В ЛЮДИ

*К 150-летию со дня рождения
Кришьяниса Барона*

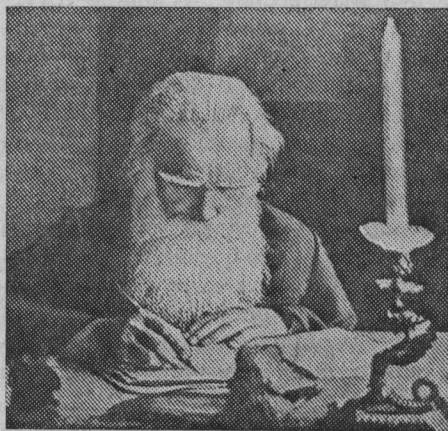
Его имя, Кришьянис, по-латышски значит «крестьянин». Он и был сыном крестьянина, и суждена была ему крестьянская доля.

Его фамилия Барон напоминает прозвище. Она и пошла от прозвища: деда прозвали так за умение вести дела и представительную внешность. В те стародавние времена латышской землёй правили немецкие бароны, и если у латыша что-нибудь получалось удачно, про него могли сказать:

— Ну, форменный барон...

Отцу и мать Кришьяниса баронами не были, но совершили поступок из ряда вон выходящий: они отдали мальчика в школу. Сейчас нам кажется — да чего тут такого особенного? Всех детей рано или поздно отдают в школу. Как же иначе? Но в тридцатых годах прошлого столетия на латышских землях для детей сельского простонародья школ не было. Однако могли существовать барские капризы... И вот в 1835 году такой каприз разыграл — и возникло учебное заведение в лесной глухой сторожке. Туда и начал бегать учиться маленький Кришьянис Барон.

Спросите, почему в лесу? А потому — чтобы школа лишняя раз властям глаза не мозолила. Спустя годы действительно разыграл новый барский каприз: народных школ не иметь! Однако к тому сроку юный Кришьянис проявил такие способности к учению, что его родители решились на совсем уже отчаянный

Кришьянис Барон в 1914 году

поступок: определили мальчика доучиваться сначала в Виндавское уездное училище, а затем — в Митавскую гимназию.

Теперь давайте рассуждать. Про школу в лесной сторожке мы могли бы сегодня сказать — «местная школа». Отсиди свои четыре урока, а потом — домой, выполнять дела, которые тебе положены по семейному раскладу. Способный — значит, за домашними заданиями мало сидишь. А главное, дома живёшь, в семье... Виндава, Митава — это значит: дома от тебя помощи уже никакой. Да и одеть-обуть гимназиста надо по-иному, чем мальчишку, бегущего в лесную развалюху вместе с детьми таких же бедняков.

Родители Кришьяниса Барона на всё это пошли с открытой душой. Самое время поклониться им: от-

цу, так и умершему безграмотным, и матери, которая, говорят, выучилась грамоте уже во взрослые свои годы.

А дальше — Дерптский университет.

Кришьянис выбирает факультет естественных наук, обучается землемерным наукам и астрономии, надеясь, видимо, получить в руки верный кусок хлеба и как можно скорее помочь семье. Однако неодолимо влечёт его к себе общественная деятельность, журналистика: он успешно сотрудничает в рижской газете «Майас весис». Успешно-то успешно, да лишь до поры до времени: в одной его совершенно безобидной статье про жизнь и нравы аистов — вдару! — обнаруживаются кошунственные намёки на служителей церкви, и Барона от газеты немедленно отлучают...

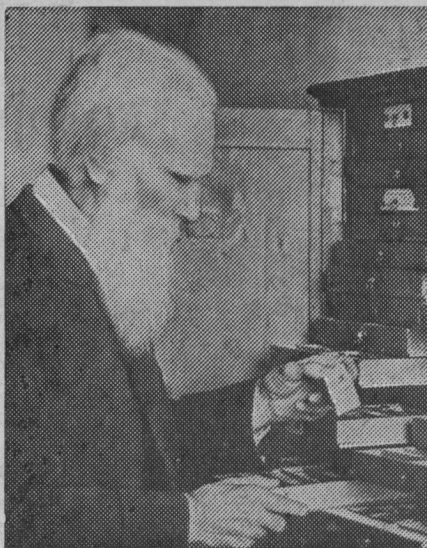
Однако стало ясно, что латышам необходима своя независимая газета. Если её нельзя выпускать на родине, то ведь есть столица империи — Петербург. Может быть, выпускать её в Петербурге и легче, и проще?

Их было трое — выпускников Дерптского университета, которые выехали в Петербург, имея целью издание независимой латышской газеты. Все трое — интеллигенты в первом поколении.

Юрис Алунан — филолог, полиглот, знаток и влюблённый ценитель чедевров европейской поэзии, многие стихи из которой он блистательно переводит на латышский. Петербург убил его, поселив в поэтической этой груди свою традиционную чахотку.

Кришьянис Вальдемар — блестящий мыслитель и организатор. Впоследствии именно он — создатель торгового флота и мореходных училищ на благо латышского народа.

В Кришьянисе Бароне тоже довольно рано проявились его отличительные черты: он был основателен, способен к долгой терпеливой работе. И ещё — жило в нём врождённое, обострённое чувство отцовства, стремление растить и опекать. Не-

Кришьянис Барон у Шкафа с дайнами

даром после того, как петербургские власти прикрыли вольнодумную латышскую газету, Барон избрал для себя не землемерское поприще, а педагогическое. Долгие годы прожил он в семье помещика Ивана Станкевича — гувернёром, духовным наставником его сыновей. В Москве какое-то время пребывал и на государственной службе: преподавал в женской гимназии...

Так шла жизнь. Но как говорили в стародавние времена, была ещё «колокол судьбы». Он прозвучал над его головой в 1878 году. К тому времени прогрессивно настроенные латышские интеллигенты поняли: если уж им не велено извне свободно обращаться к народу, они пробудят народ к тому, чтобы огласно, печатно выразил самого себя изнутри. Речь шла о том, что пришло время собирать и публиковать устное народное творчество.

Устно латышский народ выражал себя испокон веков в маленьких, чаще всего четырёхстрочных, песнях — дайнах. Учёные интересовались ими и раньше, но в каком-то экзотическом, этнографическом плане. В такой-то, мол, области поют такие-то песни. Но никто до той поры не пытался сложить эти «дикие», «ерундовые» песни (да, так их и именовали некоторые учёные му-

жи) в общую мозаику, из которой получалось, что именно они — дайны — плотно народной жизни, протянутое сквозь века.

Дело объединения латышских дайн было поручено Кришьянису Барону. Ему отдавали уже собранные дайны, а ещё по Латвии был кликнут клич:

— Собирайте дайны! Записывайте их со всеми вариантами! Шлите в Москву!

И в ответ — не река, не поток, а вселатышский потоп разразился. Писали сельские учителя. Писали местные грамотеи: лавочники, управляющие. Мало того, некоторые дотоле неграмотные крестьяне специально овладевали грамотой, чтобы сообщить Барону, что понастоящему-то такую-то дайну надо петь вот так, а не так, как поют эти неучи с сроседнего хутора!

Наверное, человек менее организованный и терпеливый попросту захлебнулся бы в материале. Наверное, человек не такой по-крестьянски ловкий не совладал бы с папками, конвертами, картотеками...

Кришьянис Барон поступил как настоящий Отец дайн — он построил детям дом. И не условный, а реальный. Деревянный дом, тот, который в Латвии именуется Шкафом дайн.

Я его видела. Вернее, не сам Шкаф (тот хранится в Академии наук в специальном саркофаге), но точнейшую его копию. Настолько точную, что каждый, кому её показывают, обязательно морщится:

— Неужели вот эту дверцу, вот тут, нельзя было покрасить поровнее?!

И слышит в ответ:

— Нельзя! Именно эта дощечка

у бароновского Шкафа дайн именно так вот и не покрашена...

А в Шкафу — отделения, отделения, отделения... Около семидесяти. В каждом — примерно по двадцать ячеек. И все заполнены узкими листочками бумаги, на которых мелким-мелким, аккуратнейшим почерком Кришьянис Барон записывал варианты каждой дайны. Записывал карандашом. О том, как бы сохранить записи для вечности, не думал. Его жизненное назначение было — собирать, приводить в порядок, издавать.

Порядок дайнам, их построение по разделам Кришьянис Барон определил очень просто. Раз дайны сопровождают латыша во всей его трудовой жизни, то пусть и рассказывают последовательно: про рождение, про детство, о том, как трудился, о том, как женился, о том, во что верил, над чем грустил или смеялся...

Между прочим, Дарта, жена Отца дайн Кришьяниса Барона, обихаживала его детей совсем по-матерински — она ладила дайнам одёжки. И опять же, самые натуральные: голубенькая резиночка с застёжкой, голубенькая резиночка с застёжкой... На каждую пачечку вариантов — резиночка с застёжкой! А их — тысячи: голубеньких резиночек с застёжками.

Шкаф дайн на удивление невелик по размерам. Не привычный наш трёхстворчатый шкаф, куда там — меньше двухстворчатого! Он похож на пчелиный улей. Живые пчёлы народной словесности приносили сюда живую пыльцу маленьких песен — дайн, и отстаивался в сотах-ячейках Шкафа золотой мёд народной поэзии, мудрости, душевного волнения...

Майя Борисова

«Лён-ленок, тяни стебелёк...»

Латышские дайны в переводах Майи Борисовой

Кошка в уголке молилась,
Чтобы девочка родилась:
Вырастет, доить пойдёт,
Кошке молочка плеснёт.

Любо-любо, мило-мило,
Когда лето наступило:
И цветок-с-ноготок
На свой лад пахнуть рад.

Лён-ленок, тяни стебелёк
Один за другим.
Стану я полотенчики ткать
Одно за другим.

Кому трудно, кому тяжело,
Так подпаску малому:
С неба дождик, с ёлки
 шишка —
Всё ему на голову.

Мать за что меня стегала
Розгами-крапивой?
Я коню скормил с ладони
Хлебную ковригу.

Если кто и мудрый,
Всех мудрее пчёлы:
Сборицы — при солнце,
В дождик — медовары.

Отдохни, отдышись,
Старенькая маменька!
Ты ведь с той поры устала,
Как была я маленькой.

Гляньте-ка, идёт сестра.
Да идёт ведь не одна:
Ведёт с собою паренька,
Как на верёвочке телка.

Отчего у нас, братишки,
Ни двора, ни кола?
Баре с нас дерут три шкуры,
Травкой пашня заросла.

В ссоре лапоть лыковый
С бархатною тувелькой.
Всё, что лапоть запасёт,
Тувелька порастрясёт.

Не секи, богатый барин,
Мужика под вечер.
Ты секи его при солнце,
Пусть поплачет солнце.

Без того свинья не жрёт,
Чтоб с ногами не забраться.
Без того богач не пьёт,
Чтоб над бедным не смеяться.

Коль берусь я молотить,
Где тут цеп полегче?
Коль берусь я кашу есть,
Где побольше ложка?

Двум рукам да двум ногам
С делом не управиться.
Во сто рук да во сто ног
Дело сразу сладится.

Вы заройте при дороге
Мастера-колесника.
Проскрипят, катясь, колёса:
— Тут лежит родитель наш.

Поспешите слушать, дети,
Отца с матерью советы.
Это солнце в небе вечно,
Отец с матерью — не вечны.

Рис. Л. Уральской

РАССКАЗЫ ОБ ЭКОНОМИКЕ

*с картинками,
стихами и цифрами,
экскурсиями в прошлое
и репортажами из будущего,
загадками
и словарём*

РАССКАЗ ДЕВЯТЫЙ

ОТКУДА ЧТО БЕРЁТСЯ

МОРСКОЙ БОЙ

Он уткнул лицо в резиновую маску водоискателя. Ладони запотели на рукоятках, когда вдали, на самом склоне моря, показалось наконец первое судно каравана.

Там его не видят, там покой и беспечность, там не знают ни участи своей, ни его крепкой руки и верного глаза. Рано? Нет, пора! И палец, нащупав гашетку, застывает, вмятая её в рукоять даже после того, как, послушный приказу, голубым бегущим пунктиром потянулся к приговорённому судну торпедный след.

Когда всё стихло и улеглось, на горизонте возникло новое судно. Следующую торпеду он послал уверенней. Но уже на полпути её к цели понял, что промахнулся. Так повторялось ещё и ещё. Голубая прерывистая дорожка равнодушно уходила в никуда. Вражеские корабли спокойно следовали курсу, не замечая ни его торпед, ни досады.

И вот наступил момент, когда послушная гашетка не отозвалась. Он вспомнил, что в запасе у него было только десять

торпед... И тогда Мальчик — а это был наш нестареющий Мальчик, вообразивший себя подводником, — опустил в щель автомата ещё одну пятнадцатикопеечную монету.

Новый бой прошёл успешнее. Опыт — великая вещь. «Ах, — подумал Мальчик, — если бы удалось провести подряд десять боёв, то уж в одиннадцатом-то я наверняка все торпеды послал бы в цель! Ах, если бы каждое воскресенье да по десять боёв!..»

Но Мальчик понимал, что надежды на это — никакой, потому что денег больше не было. Он оглянулся. Николай Экономов вёл свой истребитель на посадку.

— Второй? — крикнул ему Мальчик, перекрывая раскаты выстрелов и рёв моторов.

Отвернувшись от погасшего экрана, Экономов грустно кивнул. И, чтобы не расстраиваться ещё больше, друзья ушли отсюда, оба одинаково грустные.

Могу объяснить не только почему они загрустили, но и почему загрустили оба и почему одинаково. Дело в том, что на воскресные развлечения у каждого из них было по рублю. И трати-

ли друзья эти деньги одинаково.

Во-первых, они пошли в кино. Вернее, поехали, истратив по 5 копеек на автобус, оставив по пятаку на обратную дорогу. По 25 копеек — билеты в кино. А какое воскресное кино без мороженого? Взяли по 150 граммов ассорти. Стало быть, ещё по 30 копеек долой. А кто осудит двух приятелей, если мороженое они решили запить минералкой по 5 копеек за стакан?

В общем, в заветный уголок фойе кинотеатра, где приглушённо вздыхают взрывы и кипят пяталтынные бои, они пришли, имея по две пятнадцатикопеечные монетки на брата. Мальчик мог позволить себе не более двух комплектов торпед в морском бою, а Николай — не более двух раундов воздушного боя. Надо ли объяснять, что этого мало? Что с такими материальными ресурсами не станешь ни морским снайпером, ни воздушным асом?

Зная неунывающий нрав наших героев, мы вправе предположить, что, погрузив некоторое время о безвозвратно утраченном, они всё же решили проанализировать свои действия, дабы в следующий раз поступить разумнее.

ПРОБЛЕМА РУБЛЕВОГО БЮДЖЕТА

— Нет, — задумчиво сказал Мальчик, — всё-таки я на свой рубль мог бы пострелять и побольше.

— Это как же? — удивился Экономов.

— Пожалуй, не следовало есть мороженое. Ведь обходился же я тысячу лет без мороженого.

— Тебе не понравилось мороженое? — удивился Экономов.

Мальчик вздохнул. Кто же не любит мороженого? Только тот, кто никогда не пробовал. А Мальчик уже попробовал. И полюбил. На всю жизнь.

— Ну, тогда нужно было

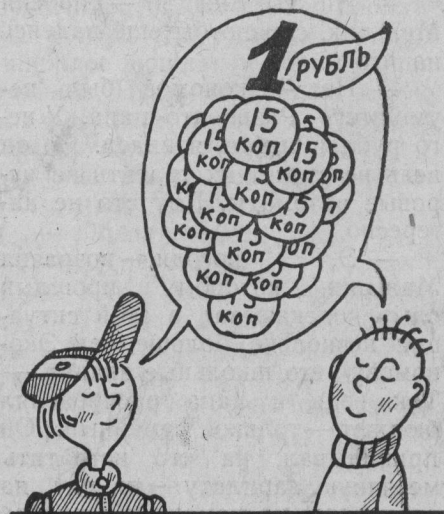
обойтись без фильма, — несмело предположил он.

— Да ты что! — тут уж Николай возмущился. Он пятый раз шёл смотреть «В зоне особого внимания» и всякие сомнения в выдающихся качествах этого фильма стерпеть не мог. — Да ты знаешь, как тот ему: «Руки!», а этот — раз, раз, о-па, понял? А те и лежат. А эти под водой. А лейтенант Тарасов и говорит: «Ваш ЗКП уничтожен...» Вот! А ты — обойтись!

Мальчик понял, что сморозил чушь несусветную.

— Что ж теперь, — опечалился он, — выходит, и выхода нет?

— Не горюй, — успокоил его Экономов, — это ты с непривычки. Мы своими рублями распорядились правильно. Если бы все деньги на автобусе проездили или на мороженое извели, чтоб до ангины наестся, или — что ещё хуже — вместо морских и воздушных боёв стали бы кататься на дурацких каруселях, это было бы действительно глупо. А так — и мороженое съели, и на классный фильм пошли, и постреляли. Другое дело, что мало. Но больше-то удовольствий получить на рубль и нельзя. Мы выбрали всё самое ценное, что позволял нам наш бюджет...

Комментарий к размышлениям героев

Ну, тут Экономов не совсем точен. Бюджет — это роспись доходов и расходов на какой-то период: на год, или на квартал года, или на месяц. Возможно — и на один день.

Экономов назвал бюджетом «рубль на воскресенье». Хотя это и не точно, но раз рубль — бюджет, то ребятам следовало его до начала всех трат по-бухгалтерски расписать:

Видите! В бюджете доходы и расходы всегда сбалансированы. Если бы Мальчик или Экономов потратили не рубль, а рубль двадцать, тогда получилось бы, что бюджет сводится с недостатком, или дефицитом (знакомое слово!). Если бы наоборот потратили не рубль, а пятьдесят копеек, то тогда бюджет сводился бы с остатком.

Ну, ребята дефицита не допустили. Так что, если принять их рубль за бюджетные, они действительно распорядились своим бюджетом правильно.

Бюджет Экономова (или Мальчика) на 1 день (воскресенье)

доход	расход
1 р. от папы	1. Транспорт - 0,10 р. 2. Еда (ассорти) - 0,30 р. 3. Нитьё - 0,05 р. 4. Культурная программа - 0,25 р. 5. Расходы на оборону - 0,30 р.
итого: 1 р.	итого: 1 р.

— ...Просто,— сказал Экономов,— нам одного рубля мало. Задачу распределения бюджета мы решили правильно, но с рублём на воскресенье снайпером не станешь.

— Ни ты, ни я? — спросил Мальчик, словно бы ещё надеясь на что-то.

— Нет,— Экономов был неумолим. — Разве что папа. У него рублей много, я видел. Но он ведь не станет их тратить на игровые автоматы. Ему это не интересно.

— Э, погоди,— возразил Мальчик, которому прошлый опыт подсказывал в этой ситуации несколько больше, чем Экономову его школьные знания. — Так ведь и папа распределял бюджет — только семейный. Он прикидывал, на что истратить месячную зарплату — на еду, на транспорт, на ремонт телевизора

и ботинок, покупку нового плаща, и из оставшегося — на развлечение. Именно потому дал он именно рубль, а не пятьдесят копеек и не три рубля. И не десять, как нам бы, допустим, хотелось. Именно рубль может дать папа сыну из семейного бюджета на воскресенье. В этом всё дело!

— Верно,— согласился Экономов. — Как же это я сам не догадался?! Ведь отец у меня не жадина. Если дал рубль — значит, больше нельзя. Он мне на днях новые джинсы купил. Очень приличные. На эти деньги можно было бы столько воздушных боёв провести! Но ведь не стану я об этом жалеть, если теперь хожу в новых штанах. Правильно выбрали — сначала штаны, а уж потом игровые автоматы... Эх, хорошо бы папе побольше платили — тогда можно было бы стать снайпером, не лишаясь штанов.

Тогда бы наш семейный бюджет увеличился — и на всё хватило с лихвой.

Мальчику идея понравилась. Но вы же помните, он — мальчик смывлёный и не любит попадать впросак. Слишком всё просто получалось у нового друга. Он поинтересовался:

— А кто папе может больше платить?

— Ну кто, — не задумываясь, ответил Экономов, — кассир. — А потом подумал и уточнил: — Вернее, государство. У нас же

все предприятия государственные.

— А, — укоризненно поглядел на Экономова Мальчик, — а государство, по-твоему, деньги берёт в тумбочке? Тоже небось из бюджета. И тоже рассчитывает, сколько можно потратить на то, на сё, и сколько — на зарплату работникам. С чего оно станет платить твоему папе больше? Только оттого, что ты хочешь летать на истребителе, не отказываясь ни от кино, ни от мороженого?.. Тоже мне — мудрец!..

Комментарий к размышлениям героя

Вот уж действительно: стоит самому попробовать — и сразу проясняется даже самое сложное. Стоило Мальчику на себе испытать трудности распределения бюджета, как он тут же понял, что все вокруг — от семьи до государства — решают ту же проблему выбора, только в гораздо больших масштабах. Экономов не задумывался над этим, потому что он привык распоряжаться папиным рублём, а для Мальчика рубль на воскресенье — это внове. Но и Экономов, заметьте, не промах. Он правильно понял: чтобы у них с Мальчиком было больше денег на воскресные развлечения, должен заметно увеличиться семейный бюджет. Другого пути нет — абсолютно верно!

ИДЕЯ: БОГАТЫЙ ПАПА

Конечно, Экономов обиделся, что его обозвали мудрецом, но виду не подал. Это уже не тот Экономов, с которым мы познакомились почти год назад, вспыльчивый и скорый на слово. Он решил сразить оппонента убийственной логикой.

— Папа, может, и будет получать больше, — рассудительно произнёс он. И развил мысль.

Во-первых, излагал Экономов, папа знает, что в своё пользование он получает часть общественного Продукта. Значит (это мы уже проходили), он заинтересован, чтобы Продукт увеличивался.

Во-вторых, папа знает, что материальные блага у нас распределяются по труду.

Значит, папа заинтересован больше трудиться и больше про-

изводить. То есть, чтобы больше получать, он будет работать с более высокой производительностью.

Папа знает, в-третьих, что производительность труда растёт вместе с ростом технической вооружённости. Значит, вся проблема в том, чтобы была у папы наиболее мощная и совершенная техника. Например, такая, какую мы видели в прошлом месяце в «Репортаже из будущего».

— И он её получит? — вставил вопрос Мальчик.

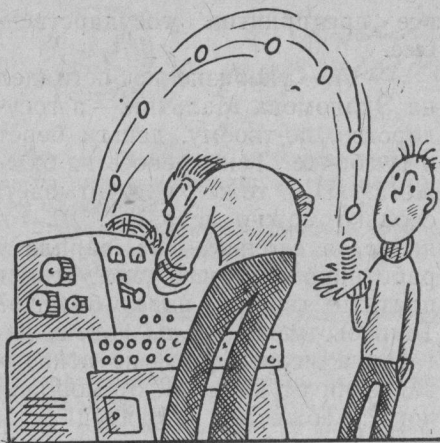
— Обязательно.

— А где возьмёт?

— Как где? Государство даст. У нас всё даёт государство, — терпеливо разъяснил Экономов.

— Но почему оно обязательно даст твоему папе эту дорогую технику?

— Да как же ты не понимаешь? — начал выходить из терпе-

ния Экономов. — Ведь интересы папы и государства полностью совпадают. Государству тоже нужно, чтобы быстрее рос Продукт, чтобы папа больше его увеличивал, а если папе для этого нужна дорогая, но совершенная техника — почему бы не дать?!

— Ну, допустим. И что тогда?

— А тогда, — гордо попытался Экономов, — мы с тобой за пару воскресений станем снайперами в игровых автоматах!

Мальчик не понял.

— Ха! — торжествовал Экономов. — Как только у папы будет такая техника, так он сразу же будет делать раз в десять больше моторов, чем сейчас. Так? А если он делает в десять раз

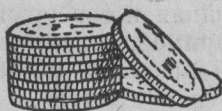
больше? То и получать должен соответственно вкладу — тоже больше в десять раз. А если так, то почему бы ему не дать мне в воскресенье на кино вместо рубля — десять рублей, если он не жадина?

— А справедливо ли это? — усомнился Мальчик.

— Почему же нет?! Каждому — по труду. Он ведь будет в десять раз больше делать.

— Но благодаря чему? — продолжал настаивать Мальчик, который хорошо помнил суровые законы распределения. — Благодаря тому, что государство раскошело для него на новую технику. И за это — за то, что оно само потратилось, — оно будет ему ещё и вдесятеро больше зарплату платить? То есть — тратиться опять? Этак никаких денег не хватит.

— У государства? — возмутился Экономов. — У нашего государства не хватит денег? Да если хочешь знать — оно само их и печатает! Это всё равно, как если бы ты пришёл в павильон игровых автоматов с рублём и переживал, что нет пятнадцатикопеечных монет для морского боя. Разменяй рубль — и вой, всё в твоей власти. Придумает же такое — у государства денег не хватит! Это у твоего Капиталиста могло их не хватить...

Комментарий к размышлениям героев

Опять Экономов погорячился. Он, видно, слишком быстро потратил свой воскресный рубль и не успел прочесть, что на нём написано. А написано на нём: «Государственные казначейские билеты обеспечиваются всем достоянием Союза ССР...» Это значит: не может появиться ни одного лишнего рубля, если на этот рубль не увеличилось государственное достояние. Так что и у государства все деньги считанные. Иначе они превратятся в простые бумажки.

Поэтому в государственном бюджете предусмотрено, на сколько должно увеличиться государственное достояние, сколько в результате этого можно израсходовать на общественное производство, накопление и общественное потребление. А в потребление входит и заработная плата трудящимся.

Каждый рубль, полученный папой в зарплату, — это всего лишь документ, свидетельствующий, с одной стороны, что папа на столько-то (на рубль) увеличил государственное достояние, а с другой — что в обмен на него папа может получить у государства столько-то (на рубль) материальных благ из общественного

фонда потребления. Чем больше увеличил, тем больше рублей получил, тем больше благ может на них обменять.

Но если для того, чтобы значительно увеличить государственное достояние, папе нужно ввести государство в значительные затраты, ему волей-неволей придётся черпать из колодца, который отрыли другие. А колодец на всех один. Ведь и у государства нигде ничего не появляется.

Наши герои пока не знают этих тонкостей, но они спорят, а в споре рождается истина, если не пренебрегать логикой.

КАК РАЗОЧАРОВЫВАЕТ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

— И всё равно несправедливо, — задумчиво сказал Мальчик. — Помню, когда я сапоги продавал, учитывал затраты труда и мясника, и кожевника, а потом оказалось — и кузнеца, и плотника.

— То же сравнил — сапоги с моторами! — попытался поднять его на смех Экономов.

Но Мальчик был твёрд.

— Никакой разницы. Производительность у папы вырастет не только благодаря его труду, но, в основном, благодаря оборудованию. А его ведь тоже люди делали. Если зарплата вырастет только у папы, выходит, все они на него задаром работали, а он ведь не капиталист какой-нибудь. Если 10 человек делали оборудование, от которого у папы в 10 раз повысилась производительность труда, то не у него одного зарплата должна вырасти вдесятеро, а у них у всех. Но всего на 10 процентов.

Экономов был потрясён. Вы же помните — он большой поборник справедливости. Так что отмахнуться от Мальчиковых доводов никак не мог. И выходило — его благие прогнозы разрушились.

— Это что ж получается, — прикинул он, — мой папа сможет выдать мне в воскресенье не рубль, а рубль десять копеек? Не много на эти деньги — настреляешь... Неужели нет никакого выхода?

— По-моему, есть, — оперируя прошлым опытом, рассуждал Мальчик. — Надо, чтобы и у тех, кто делает оборудование для па-

пы, производительность труда тоже повысилась в 10 раз.

— Молодец! — радостно хлопнул друга по плечу Экономов. — Тогда все будут получать в десять раз больше, в десять раз больше смогут покупать еды, одежды, книг, билетов в театр и путёвок на юг... и нам...

— Не смогут, — перебил его Мальчик. — В 10 раз? Точно не смогут.

Экономов посмотрел на Мальчика так подозрительно, как некогда смотрел только на автора.

— Слушай, ты меня не путай, — произнёс он. — Почему это не смогут?

— Потому что этого всего не будет в десять раз больше. Ведь по нашему условию производительность труда повысится только у тех, кто делает моторы и оборудование для производства моторов. А у тех, кто производит еду, одежду, ну, вообще товары, — не повысится.

— Ну и что? — недоумевал Экономов.

— А то, что если товаров вообще больше не стало, их либо не будет хватать, либо они станут дороже. Придётся больше тратить денег на самое необходимое.

— И это тебе кажется справедливым? — горько насмешничал Экономов.

— Чего справедливого, — отмахнулся Мальчик. — Надо выход искать.

Они помолчали.

ВРЕМЯ ВМЕСТО ДЕНЕГ

— Слушай, а чего мы ищем? — вдруг встрепенулся Мальчик. — В производстве обороту производительность повысится?

— Да, в 10 раз.

— В производстве моторов повысится?

— Ну! Там же мой папа работает — мы же условились.

— Значит, вообще в машиностроении?

— Да, — согласился Экономов.

— Значит, производство продукта машиностроения станет обходиться государству дешевле! И самого продукта будет больше.

— Так то машины, — понятно посетовал Экономов, — их не едят, не носят, ими наши бытовые потребности не удовлетворяют.

— Смотри дальше, — развивал мысль Мальчик. — Самое дорогое — машины — будет отвлекать меньше средств из бюджета. Экономия? На основе машин можно повысить производительность труда в производстве товаров и услуг. Двойная экономия!

Если бы Экономов был девчонкой, он бы сейчас Мальчика расцеловал.

— Молодец! Придумал! — прыгал Николай вокруг своего смеявшегося друга. — Вот когда у папы зарплата вырастет в 10 раз, и мы будем получать в воскресенье не по рублю, а по червонцу!

Так он прыгал и кричал и всячески веселился, пока не заметил, что Мальчик опять сосредоточенно молчит. Размышляет.

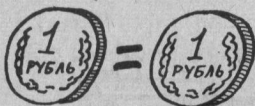
— Ты чего? — встревожился Экономов.

— А я вот что думаю, — тихо сказал Мальчик, — а зачем тогда твоему папе получать в десять раз больше денег? И другим папам тоже? Если благодаря возросшей производительности труда удастся производить намного больше товаров и услуг и с гораздо меньшими затратами, если они и так станут дешевле. Для их получения папам придётся гораздо меньше времени трудиться. А они придумают, куда с пользой потратить освободившееся время. Творчеством займутся, больше времени будут проводить с детьми. Не знаю, как тебе, Коля, а мне, если бы у меня был папа, было бы с ним гораздо интереснее, чем даже с игровым автоматом.

— Выходит, зря мы мудрили? — озадаченно спросил Экономов. — Больше денег вовсе и не надо?

Что ему было ответить?

Это пусть читатели ответят, нужно ли больше денег обществу, если производительность общественного труда растёт быстро, ровно и беспрепятственно?..

Последний комментарий к размышлениям Героев

Вот в споре и родилась истина. Попробуем её сформулировать. Никто — ни Мальчик, ни папа, ни государство — не может потратить больше, чем позволяет бюджет. Всегда при распределении бюджета — хоть того, что умещается в кармане рубашки, хоть того, что рассредоточивается по тысячам отделений Госбанка — надо определять, на что следует потратиться в первую очередь, на что во вторую, а на что не тратить вообще.

Разумными можно считать только те траты, которые обязательно принесут экономический эффект.

Никогда экономический эффект нельзя рассматривать с какой-нибудь близкой невысокой кочки, а только — в масштабах всей экономики.

Ни от чего так не зависит состояние экономики — и отдельной семьи, и всего общества, — как от производительности общественного труда. Ничто так существенно не влияет на неё, как технический прогресс.

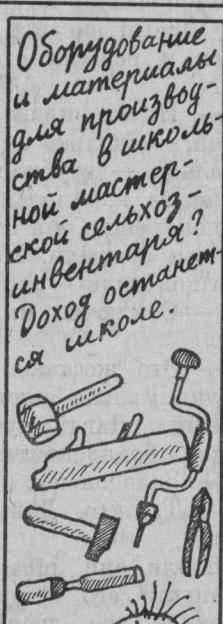
Но об этом пойдёт речь в следующий раз.

ЗАДАНИЕ К РАССКАЗУ

За лето пионеры нашей школы заработали в подшефном совхозе 1.000 рублей. Давайте решим, на что истратим эти деньги.

ЧТО МОЖНО КУПИТЬ НА ТЫСЯЧУ РУБЛЕЙ?

Что, на ваш взгляд, выбрал
Экономов?

Как поступили бы вы?

ЧАСТЬ I БАЛАГАННЫЙ ЛЕВ

МОГУ СЕБЕ ПОЗВОЛИТЬ ОТОМСТИТЬ

Гидрогений Астигматюк и Кузнец Давыд наелись мыда, напелись песен и решили отомстить согражданам.

— Имею право, — сказал Гидрогений. — Сколько они надо мной издевались — грубили, подкупали детишек за карамель, чтобы те плакали понарошке, а я бы мучился. Опыты мои срывали. По трубам железным колотили — мысли путали.

— Отключи им воду на три дня.

— Это жестоко. А вдруг какой-нибудь малыш сидит в тазу намыленный... Давай лучше обольём их всех из брандспойта.

— Заледенеют.

— Ты что, Давыд, разве сейчас зима?

Взяли они планг-брандспойт и потащили его к цирку. По дороге заметили, что двери кондитерской, ювелирной, колбасной и кузницы стоят нараспашку. А поперёк дороги сейф сломанный лежит.

— Грабёж, похоже, — сказал Гидрогений шёпотом.

— Похоже, — шёпотом подтвердил Кузнец.

Побежали они поднимать народ — грабителей ловить, но, подбежав к цирку, услышали громкую музыку и аплодисменты. И решили сначала всё же окатить сограждан из брандспойта, а потом уж объявить о грабеже. «Мокрый гражданин острее воспримет такое известие».

Когда они втащили в цирк брандспойт, лев стоял на высоких ходулях. Именно в тот момент, когда он прыгнул с ходуль на подкидную доску, а с неё взлетел под купол на трапецию, Гидрогений и Кузнец начали бить по согражданам струёй воды в упор и кричать, что в городе грабежи и что Гидрогений наконец вопреки всем насмешкам и издевательствам избобрёл чудесное ароматное мыло, — сладкое и нешипучее.

Граждане толпой бросились на выход. Прямо на струю.

Потом, когда Гидрогений выключил воду и они с Кузнецом немножко отдохнули, Гидрогений сказал:

Окончание. Начало в «Искорке» № 8, 9.

— Слушай, Давид, а где же этот лев? Главарь — он, не иначе.

— Вот именно.

Они бросились осматривать балаган, но льва ни под скамейками, ни под куполом не оказалось.

НЕ ТРОГАЙТЕ ДЕТЕЙ!

Верзила Грохот и Сластёна Зуб привязали в глухом лесу Яшку Кошкина и кузнецову дочку Даруню к сосне верёвками.

— Вот поедим и примемся, — заявили они. — Будем вас щипать.

— За щипаных не дадут выкупа, — сказала Даруня. — Кому мы нужны щипанные-то?!

Верзила и Сластёна с ней согласились.

— Твоя правда. Тогда мы будем вас щекотать и сажать на вас гусениц.

Сластёна достал из мешка окорок, облепленный пирожными, дал Верзиле. Но тот есть не стал. Застонал:

— О, сейфик. О, милый сейфик! Что может быть ужаснее для бандита, чем пустой сейфик?!

Даруня засмеялась.

— Ну, что ты смеёшься? — спросил её Верзила. — Ты, можно сказать, неживая уже, а смеёшься.

— В этом сейфе было двадцать пять отборных бриллиантов, — объяснила Даруня. — Ювелир Карат покрыл их специальной невидимой эмульсией. Теперь он их подобрал все до единого. У него лупа такая есть — различительная.

— А бриллианты — каждый величиной с матросскую пуговицу, — сказал Яшка.

Верзила взвыл. Сорвал со Сластёны арлекинский воротник, разорвал его и заткнул им рты Даруне и Яшке.

— О, бриллианты... — прорычал он и вонзился в окорок.

В этот-то момент и появился на поляне усталый лев Альваро.

— Вот вы где, — сказал он. — Я целый вечер работал на манеже один, а вы... Не по-товарищески. К тому

же, говорят, вы грабили город. Я этому не верю — мы артисты!..

Яшка и Даруня хотели крикнуть, что никакие это не артисты, а наглые жулики, но рты у них были плотно заткнуты. Яшка и Даруня только дёргались и мычали.

— Что с детьми? — спросил лев.

Сластёна Зуб задохнулся в роте пирожное то ли с кремом, то ли с джемом, то ли с ромом и сказал:

— Отдыхают. Набегались. Лесным воздухом дышат. Тут кислород, как спирт, — привязать пришлось.

— Как сыро... — сказал лев. — Как зябко... Если вы действительно позволили себе некоторые вольности с правопорядком, я бы посоветовал вам сдаться.

— А кто ты такой? — спросил Верзила Грохот.

— Я — лев.

— Не врешь?

— То есть — конечно, лев.

— Врешь. Лев — царь зверей. А ты это... Танцуй.

— Позвольте, — сказал лев обиженно.

— Танцуй! — рявкнул Верзила.

Лев, конечно, танцевать не стал — это было бы слишком. Зато вокруг льва с верёвкой в руках танцевал Сластёна Зуб.

— Я ничего не понимаю. А вы?.. — спросил лев у Сластёны.

Но Сластёна ткнул ему в нос кулаком, лев попятился, и Сластёна тут же привязал его к сосне.

— Простите, — сказал лев. — Очень странная шутка.

Даруня наконец выплюнула кляп.

— Жулики они, а не артисты. Это — Сластёна Зуб и Верзила Грохот. О них в газетах писали. Они из тюрьмы сбежали.

Тут и Яшка Кошкин кляп выплюнул.

— Лев! И вы позволили себя связать?! Это же негодяи. А вы же — лев!

— Помолчи, оратор! — Сластёна Зуб швырнул в Яшку пирожным. — Ух, как мы над вами будем издеваться. Мы вас будем щекотать. Об-

мажем кремом и посадим на вас самых толстых гусениц.

Даруня и Яшка вместе крикнули:

— Вас повесят!

— Верзила, а не пора ли этих субчиков прикончить? Господь с ним, с выкупом.

— Это... согласен.

Сластёна Зуб и Верзила Грохот лениво поднялись.

— Ты, дрянная девчонка, проси прощения или прощайся с жизнью, — Верзила взял Даруню за шею.

— Бандит, — хрипела Даруня. — Ворюга. Трус. Обжора...

Сластёна Зуб сказал Яшке:

— Хрипит девчонка. Ты это учти. Проси у меня прощения в вежливой и ласкательной форме. Говори: «Сластёночка, извини, пожалуйста, будь такой милый!..»

— Шакал, — сказал Яшка. — Жулик. Лев работал, а ты всю выручку украл. Хиляк! Сладкоежка!

Сластёна сдал Яшкину шею.

— Не трогайте детей! — крикнул лев.

Верзила Грохот и Сластёна Зуб захохотали:

— Мешок с потрохами! Гусак уса́тый! Кордебалет! Тренажёр для моли!

НО...

Тут случилось такое, о чём следует рассказать подробнее.

...Лев шагнул к ним вместе с деревом, к которому был привязан. Мускулы у него взбугрились, как валуны, горячая пасть широко открылась, и обнажились страшные белые клыки.

Сластёна взвился на сухую ёлку, как огонь. И закричал оттуда:

— Верзила! Артист сорвался! Дай ему поддыхало.

Но Верзила Грохот уже лежал недвижимый.

— Я же вас просил — не трогайте детей, — сказал лев тихо.

— Ой! Я же глухой! — шептал Сластёна. — Я же золотухой болен. Я же сдаюсь, — Сластёна поднял руки и упал с ёлки. Головой о пенёк. И выскочили вставные Сластёнины зубы, их ему в тюрьме сделали как участнику самодеятельности. — Я шепше хороший. Я песный...

— Любопытный факт, — сказал лев задумчиво. — Не кажется ли тебе, Як Фляк, что есть способ разукрощения балаганных львов без спецшктуры и философского камня?

— Ты разве не разорвёшь этих наглых жуликов в клочки? — спросила Даруня. — Будь я львицей, я бы их разорвала.

Сластёна Зуб встал на четвереньки — распрямиться он ещё не мог.

— Не слушайте её, пошалюста. Дети не отвешают са свои шелания. Они ш не исушали уколовный кодекс.

Верзила Грохот приподнял с земли голову.

— Лев, это... организуемся, а? Я — сейфики. Сластёна — по карманам. Мальчишка в форточки. Девчонка гадать. Ты — атаман! Красиво...

А лев Альваро никак не мог справиться с узлами — ему казалось, что он слишком сильно за верёвки дёргает. Наконец он отвязал ребят.

— Я бы их разорвала, — повторила Даруня, растирая запястья. — Я бы их в клочья, в лоскуточки...

— Пусть живут, — сказал Яшка Кошкин и сам себе удивился.

РАЗУКРОТИТЕЛЬНАЯ МИКСТУРА

На другое после знаменательного циркового представления утро в город Форс вошёл опрятно одетый молодой человек с бутылкой в руке. Это был акробат Примо-Два. Он, как известно, прямо-таки помешался на мысли разукротить льва Альваро, вернуть ему прежний львиный рык и львиную душу. Поскольку Примо-Два выглядел очень бодрым и шал, насмываясь, то можно было предположить, что в бутылке он нёс разукротительную микстуру — прозрачную и, я бы сказал, весёлую, мелодично булькающую жидкость.

Примо-Два прошествовал к балагану. Заглянул в него — всё мокрое, скамейки перевёрнуты...

— Альваро! — крикнул акробат. — Альваро, ты где?

Лев не отозвался.

Не оказалось его и в повозке.

«Интересно, — думал Примо-Два. — Если шёл ливень, балаган должен быть мокрым снаружи, а он мокрый изнутри».

В городе тоже был беспорядок. Посреди улицы лежал сломанный сейф. Вывеска «Кондитерская не-

сравненной Эмилии — сласти на лубой вкус» висела на одном гвозде.

Акробат-разукротитель Примо-Два постучался в кондитерскую. Дверь приоткрылась. Очень приятный, но очень грустный голос произнёс:

— Что вам угодно?

— Извините, — сказал Примо-Два. — Я — акробат из цирка. Может, вы окажете милость и объясните мне, что тут произошло? Куда девался мой друг, лев Альваро?

За дверью помолчали. Была даже минута, когда Примо-Два показалось, что дверь хотя бы захлопнуть перед его носом. Но этого не произошло. Напротив — дверь открылась шире.

Кондитерша была чуть полновата, но изысканна. Она усадила Примо-Два за стол, поставила перед ним тарелку пирожных то ли с кремом, то ли с джемом, то ли с ромом и улыбнулась так учтиво, так очаровательно...

— Угощайтесь. Правда, ещё рано — в лавке нет ни лимонада, ни ананасовой воды. Я мигом сбегая к Гидрогению. Не скучайте.

Пирожные были вкусными. От них слегка кружилась голова. И вскоре Примо-Два захотелось прочесть детское стихотворение о бабочках, танцующих вокруг луны, спеть для кондитерши Эмилии серенаду со словами «милая», «воздушная» или кого-нибудь обнять.

Но тут дверь широко распахнулась — в кондитерскую, возглавляемые Эмилией, ворвались горожане — и Гидрогений Астигматюк, и Ювелир Карат, и Сапожник Сазонт, и Кузнец Давид...

— Вот он! — воскликнула Эмилия. — Циркач! — Голос её звенел, как разящая сабля. — Он — их сообщник! Вынюхивает, плут. Схватите его! — Но даже при таких словах лицо её оставалось миловидным.

Горожане — гении и не гении — попытались было взять Примо-Два за горло, но горла на всех не хватило. Примо-Два сделал заднее сальто, подпрыгнул, уцепился за потолочную балку и уселся на ней.

— В чём дело? — спросил он.

Из криков разъярённых горожан ему удалось понять, что циркачи оказались жуликами. Пока главный жулик, лев Альваро, кривлялся на арене, его сообщникам, как утверждали горожане, удалось обчистить город. Правда, кроме одного окорока, двадцати девяти пирожных и девчонки по имени Даруня они ничего не успели украсть. А невидимые бриллианты, высыпавшиеся из сейфа, Ювелир Карат, конечно, отыскал при помощи специальной лупы.

— Вот они. Все — тут, в коробочке. — Ювелир Карат потряс коробочкой из-под леденцов. Бриллианты в ней загремели.

— Спрячь! Что ты! Циркачи всё примечают — сопрут! — крикнул ему сапожный гений Сазонт. — Ишь, глядит, как кот на сало.

Сазонт схватил со стола бутылку с разукротительной микстурой и нервно отхлебнул глоток. Ему было до слёз обидно, что жулики не польстились на его универбову.

Но как только он проглотил микстуру, нездоровое и угрюмое лицо его озарила улыбка. Можно сказать — великолепная улыбка артиста.

— Чуть, — сказал он. — Зачем циркачам бриллианты? Зачем им

универбову и сладкое мыло? Им нужна свобода и витамины. Я тоже хочу в циркачи. Я, можно сказать, всю жизнь об этом мечтал. Буду ходить на руках. И обувь мне не нужна. Можно в перчатках! А жизнь какая! Прожектора, оркестры, леопарды...

У кондитерши Эмилии от сапожной речи перехватило дыхание. Она взяла у Сазонта бутылку, налила себе немного и выпила. Её улыбка тут же стала улыбкой примадонны.

— И я, — сказала она. — Хочу быть акробаткой, певицей и наездницей...

Гидрогений Астигматюк, хоть и относился иронически ко всяким жидкостям и микстурам, всё же попробовал — глотнул разукротительной. В его осанке появилась гордость.

— Водная феерия. Цветные струи, — сказал он, пододвигая бутылку Кузнецу Давыду. — Мыльные пузыри величиной с цистерну. И мы с тобой, Давыд, в гидрокостюмах.

— Я буду ковать лошадей, — сказал Давыд, отхлебнув микстуры. — Лошади — это да! Соскучился я по лошадям.

— Эй, эй! — закричал Примо-Два. — Остановитесь. Что вы делаете? Эта микстура для льва Альваро! — Примо-Два прыгнул с балки.

схватил бутылку, но в ней уже не осталось ни капельки.

Последний глоток выпил Ювелир Нарат. Выпил и сказал:

— А я буду факиром. Всю жизнь мечтал стать факиром. Я, кажется, уже был им. Я, кажется, потерялся в одном из ящиков своего магического реквизита. Теперь я снова потерялся... Или нашёлся?.. Или всё-таки потерялся?..

— Не знаю, нашлись вы или потерялись, но я лично буду ковать лошадей. Жаль, нету рядом моей Даруни!

— Я здесь!

Даруня вбежала в кондитерскую.

И тут же на улице раздался львиный рык. Такой настоящий, что все горожане присели.

— Эй, горожане! — сказал лев устало. — Судите жуликов. Казните или милуйте. Нам некогда. Мы уходим.

Горожане высыпали из кондитерской на улицу и увидели льва Альваро, бесстрашного и прекрасного, как все неукрошённые львы. Рядом с ним стоял гордый, хоть и с синяком, Яшка Кошкин.

К столбу посреди площади были привязаны Верзила Грохот и Сластёна Зуб.

— У нас было очень тяжёлое детство, — скулили они. — Нас баловали бабушки... Они нам всё-всё разрешали...

— Альваро! — сказал Примо-Два. — Мы организуем цирк. Большая труппа. Как тебе нравится название — «Цирк Эмилии»?!

Примо-Два хоть и смотрел, по правде сказать, только на Эмилию, всё же заметил перемену, происшедшую со львом.

— Альваро, что с тобой? — спросил он. — Ты очень изменился. Я тебе микстуру принес...

Лев Альваро засмеялся:

— Мой добрый Примо-Два, микстуры хороши от насморка. А львы обязаны разукрошаться сами. Выручка за представление у Сластёны Зуба за пазухой. Возьмите. Вставьте стёкла, почините замки, подметите... Прощайте!

И они с Яшкой пошли. Гордые и голодные.

— Куда вы? — крикнула Даруня. — Оставайтесь с нами. Будем помогать отцу подковывать лошадей, ремонтировать плуги.

Даруня проводила их до ворот и всё говорила и говорила о том, как прекрасны лошади:

— Разве может что-нибудь сравниться с лошадьми? Подумайте, ну что вас ждёт?..

— Нас ждут опасности и приключения, — ответил Яшка.

У Даруни выступили на глазах слёзы — конечно, ей тоже хотелось стать справедливой разбойницей, но ещё больше ей хотелось помогать отцу. Она поднялась на цыпочки, помахала Яшке и льву Альваро рукой и крикнула:

— Если что — позовите меня. Я тут же на лошади прискачу. Быстрее ветра.

...Выйдя на большую дорогу, лев Альваро тряхнул гривой и причесался.

— Я думаю о справедливости, — сказал он.

Яшка тоже подумал о справедливости — она представилась ему чем-то вроде айсберга, на четыре пятых скрытого под водой.

— Когда я был балаганным львом, — говорил лев, — всё было просто. Хотя, я понимаю, странно видеть льва, танцующего на проволоке... Минутку...

Лев быстро вскарабкался на утёс, похожий на широкий нос каравеллы, прикинул высоту на глаз и прыгнул. Он сделал четыре сальто, прогнувшись, с пируэтом и приземлился в позу «О, ля-ля!».

— Смертельный трюк, — сказал он Яшке. — Я такого ещё никогда не делал. Но рисковал я только своей головой. А справедливость.. О, Як Фляк, я боюсь...

— Чего?

— Ошибиться...

И Яшка Кошкин понял, что справедливость — это ответственно.

Перед его внутренним взором предстали Сладёна Зуб и Верзила Грохот, пожирающие окорока и пирожные. Яшкино внутреннее обоняние ощутило сильный запах этих деликатесов. Тут же Яшка вспомнил холодную котлету, которую они со львом съели сутки назад... И он почувствовал голод.

Яшка попросил у льва гребень и тоже аккуратно причёснулся и сказал глухо:

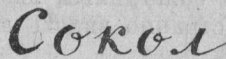
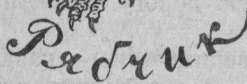
— Справедливость — тяжёлый хлеб. Но ничего не поделаешь, нужно идти.

И они пошли вперёд по той бесконечной дороге, что всё время вздымается в гору.

Рис. В. Топков

*В помощь следопыту,
идущему по тропинке
в лес.*

К фотографии на 3-й странице обложки.

Рис. Р. Попова

узелок

Рис. Д. Майстренко

Текст Ю. Букова

НАШ Цирк

1

Если бы ты был укротителем, а лев был злым. И вдруг бы он тебя проглотил! Сумел бы ты спасти себя? Смог бы ты выбраться из лабиринта?

2

Факир аквариум проносит по манежу. В нём были рыбки! Рыбки где же?

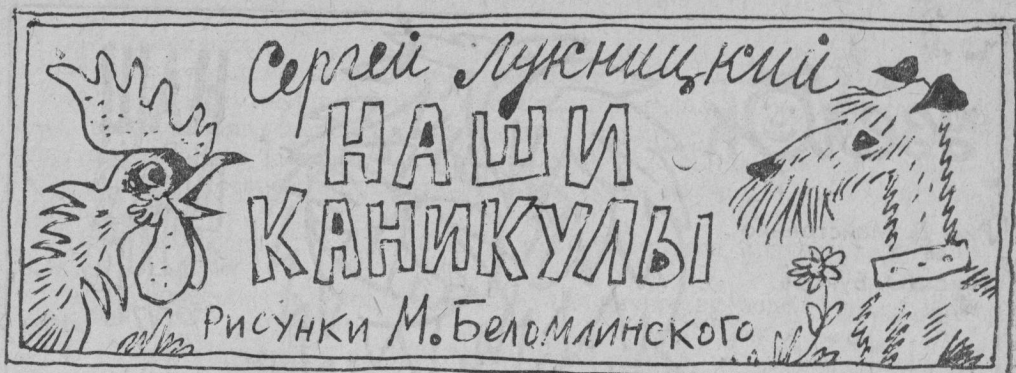

3

Из восьми мячей, которыми жонглирует девочка, два одинаковых. Какие?

**Ваши
ответы
присылайте
«Узелку»**

Страшная ночь

Наутро

Сперва я заснул. Но проснулся скоро — очень громко что-то грызли мыши. Я залез с головой в мешок, опять задремал, но ненадолго. Кто-то пробежал по мне и укусил прямо через мешок.

Такой наглости я не мог перенести. Я завизжал и выскочил из мешка — на ящике сидела здоровенная крыса, злобно на меня смотрела и шевелила усами. Я кинулся на неё, хотя не знаю, откуда появились у меня вдруг сила и храбрость.

К утру их было уже четыре штуки. Я положил их рядом, головами в одну сторону, чтобы удобнее было считать. И чтобы другие видели, что получается, если я рассержусь. Я ещё и этим мальчишкам покажу, какой я пёс! Чёрный Дьявол, тёзка Пират и Жучка ещё гордиться будут своим другом. А Витя скажет: «Молодец, Пиратыч, ты — настоящий Корсар!» А потом я опять задремал и увидел чудесный сон — будто мама Маша легонько дует мне в нос и спрашивает: «А может быть, ты и в самом деле фокс-крысолов?» Я ничего не успел ей ответить — она закачалась, расплылась и пропала, а вместо неё передо мной вдруг оказался рыжий лис.

— Извини... — сказал он, — я те-

бя разбудил... После удачной охоты и я любил поспать.

«Ничего себе удачная», — подумал я и сказал:

— Не мог бы ты опять превратиться в маму Машу, в Витю или хотя бы в тетю Грушу?

— Чудак! — усмехнулся лис. — Я — не сон.

— Не может быть! — не поверил я.

— Разве ты не знаешь, что животные никогда не врут? Или... вы, — он сморщил нос, — домашние собаки, уже научились этому?

Мне не понравился сладкий голос лиса:

— Собаки и лисицы разговаривают на разных языках. Если ты не сон...

— О-о! — перебил он меня. — Ошибаешься, ты, очевидно, не в курсе... Мы с тобой принадлежим к од-

Продолжение. Начало в «Искорке» № 6, 7, 8, 9.

ному биологическому семейству. Наши предки...

— Не морочь мне голову предками! — уже совсем рассердился я. — Дикие лисы живут в лесу, а ты сидишь в сарае, на куче мусора!

— Но я действительно лис, а не сон, — сказал лис вежливо и грустно. — Меня привезли сюда из города те же мальчишки, которые и тебя украли и притащили в сарай на верёвке. Они здесь на даче затеяли игру в ковбоев.

Тут я совсем очнулся и увидел, что передо мной — настоящий живой лис. Очень красивый и жёлтый, как морковка. Глаза умные. Нос чёрный, совсем собачий, уши торчком — вылитая Жучка, но другой масти. Конечно, что-то родственное у нас есть. Но всё же маленькое сомнение у меня осталось.

— А где ты жил в городе? Я никогда там лисиц не видел!

— Я жил в живом уголке, в школе, — ответил он. — А на каникулы всех нас, зверей, раздали ребятам. Я достался этим, — кивнул он на дверь.

— Как достался?

— По жребию, — ответил он. — Ребята положили в шапку бумажки. Все по очереди вытаскивали их, зажимившись. Ту, на которой было написано «Огонёк», вытащил старший из «ковбоев». И меня отдали им. Огонёк — это моё имя.

Никогда в жизни не слышал ни-

чего подобного! Собак покупают, кошек дарят, а лис вытаскивают из шапок, как рыбок из воды. Невероятно!

— Что делать, — вздохнул лис. — Только мы, звери, и знали, что оба брата животных не любят. Я сам видел, как старший окунул в аквариум ежика. Бедняга уже заснул на зиму... Но от этого он проснулся, простудился и околел...

— А куда смотрели учителя? — не выдержал я.

— Наивный пёс! Учитель не может видеть всё. А кто ему скажет? Я? Рыбки? Или попугай? Кроме того, если кто-то делает гадость, он делает её тайком.

У этого лиса, кажется, есть голова на плечах. И уж во всяком случае есть язык, которым он хорошо владеет. Словом, он уже начал мне нравиться, и я его спросил:

— А тебя здесь тоже мучают, Огонёк?

— Ну нет! Меня надо вернуть в целости и сохранности. Иначе ребята из 6«б» нашим «ковбоям» здорово всыпят.

Мы бы еще поговорили с этим славным лисом, но меня вдруг согнуло от боли в пустом брюхе.

— Послушай, — сказал лис, — если ты дашь мне одну крысу, то можешь по моему подкопу слазить ко мне в клетку и съесть фасолевый суп, который я терпеть не могу.

— Бери хоть всех! — с восторгом согласился я.

Суп был холодный, слегка прокисший, но я никогда, кажется, не ел ничего вкуснее!

— Ешь, ешь, — говорил мне лис. — Я предпочитаю мясо.

— Спасибо, друг, — сказал я. — Я и не думал, что лисы такие добрые. В сказках про вас совсем другое пишут.

— Ну, — усмехнулся лис, — то в сказках. Но в общем-то тебе повезло. Всё-таки я необычный лис — пять лет прожил в школе, два года прослушал уроки биологии. А повстречал бы ты дикого лиса — он без лишних слов вцепился бы тебе в горло.

Ещё одно воспоминание

Числа не знаю

Я ещё жив и не собираюсь умирать. Во-первых, меня поддерживает лис. Правда, не даром — ещё двух крыс обменял на суп.

Во-вторых, моё положение слегка упрочилось. Утром, когда мои похитители опять подошли к двери, я приготовился к обороне. Они бросили мне кусок мяса, привязанный к верёвочке. Как бы не так — я не рыба, меня на приманку не выудишь.

— Не берёт! — прошептали за дверью.

— А если он уже...

— Ну нет. Наверное, выдохся и не может сдвинуться с места.

— Войдём?

— Возьми-ка подлинней хворостину... Спички давай...

Что они задумали? Нам с Витей никогда не позволяют брать спички. Но вдруг всё изменилось. Я услышал сильный голос:

— Лоботрясы! Уши оборву за такие штуки! Спать меня хотите, darmoeды?!

Шлёп-шлёп-шлёп — услышал я, и оба «храбрых ковбоя» в один голос завывали.

— Я вам покажу Мексику! — продолжал кричать Сильный. — Вы у меня узнаете географию на пять с плюсом. Ковбои паршивые!

За стеной ехидно хихикнул лис. Я тоже с большим удовольствием прослушал весь этот концерт.

Наконец дверь в мой сарай отворилась. Вошёл щуплый, белобрысый человек, похожий на большую облысевшую крысу. На меня уставились его холодные глаза, потом они увидели мои охотничьи трофеи — трёх дохлых жирных крыс.

— Ого! Этот пёс знает своё дело. Где взяли собаку? Кто хозяин? — обернувшись, спросил он «ковбоев».

Оба сразу заняли:

— Не-е знаем!

— А я знаю. Такой же, как вы, лоботряс. Но он хоть не ковбой, зато художник. Рисует хорошо. Хорошо пишет — без ошибок. Пятёрочник, наверное, не чета вам...

Сильный фальшиво улыбнулся, сел на корточки и поманил меня:

— Поди, поди сюда... Ну, ну! Собака за хозяина не в ответе. А я полезной скотине куска не пожалю. Чего ж ты, боишься?

Он опустил мне руку на голову. Какая жёсткая, тяжёлая была эта рука! Я прижал уши и сам сжался. Рука соскользнула, взяла за ошейник.

— Смотри-ка! Номер-то — три пятёрки! Ты счастливый, пёс, а? Может, от тебя и ко мне перейдёт счастье?

Я вздохнул — где это счастье? Несчастней меня нет собаки на всём свете...

— Ничего, — похлопал он меня по спине. — Ещё и рад будешь! В городе на асфальте вашей породе — одна маета. А здесь — воля.

Он встал.

— Ну вы, ковбои! Будете лезть к собачонке — за хвост ловить, палкой дразнить, — шкуру спущу и отправлю домой раньше времени. Поняли?

Меня накормили подсохшей пшённой кашей, смешанной с остатками борща. С какой жадностью я

съел эту гадость, просто невероятно!

За ночь поймал ещё трёх крыс. Лис — ни одной. Увидев мои трофеи, он облизнулся. Я не знал, что делать. Но всё-таки отдал ему одну, просто так, а не в обмен на суп. Двух оставил — пусть этот Сиплый придёт и увидит, что я не даром съел его пойло.

Пужой двор (продолжение воспоминаний)

Опять без даты

На день меня выпустили во двор. Ура! Я опять на свободе!

Хотя что это за свобода? Кругом глухой забор. По верху натянута колючая проволока. А сад? Сплошная картошка, огурцы, лук и капуста. Лапу поставить некуда. На траве нечего и думать поваляться. Да её и нет, только крапива около забора и кусты репейника за сараем.

Нет, не нравится мне, как живут эти люди. Мама Маша ни за что бы эту дачу не сняла.

Ночью, когда нас запирают, лис переползает ко мне, и мы вместе обсуждаем наше бедственное положение.

— Тебе что, — говорит он, — ты собака с номером, тебя найдут и возьмут домой. А вот я...

— Это тебе что, — говорю я, — уедешь в город и будешь жить в школе. Ты же любишь биологию, Огонёк!

— Любишь... Тебе бы посидеть всю жизнь в клетке!.. Я — лис, а не кролик. Черепаха и та у нас сбежала...

— Куда?

— В пустыню... Не знаю, дошла ли. Говорят, далеко... А лес-то рядом. Ты думаешь, мне легко слушать, как шумят по ночам сосны, кричат совы и рыба плещется в реке?

Мне стало стыдно. Бедный лис! А я — нечуткая, чёрствая собака. Надо будет подумать, как бы ему помочь.

Ностальгия (снова дневник)

Числа всё ещё не знаю

Украл у новых «хозяев» карандаш. Поступок плохой. Но что делать? Если мы с лисом отсюда живыми не уйдём, кто-нибудь прочтает эти записки и узнает правду.

Через некоторое время

Оторвался на обед.

Ха! Что за обед! В брюхе булькает, как в бидоне у тёти Груши, когда она идёт разносить молоко. Только не молоко булькает, а вода, в которой плавают горох, картошка и прошлогодние солёные огурцы. И это у них называется рассольником!

Лис взмолился:

— Пират, во имя братства всех четвероногих пойдй и укради мяса!

Ничего себе! Сперва — карандаш, теперь — мясо. Что из меня получится? Вор? Но с другой стороны — крыс я уже всех переловил. Огонёк на супах совсем отошал. А я?

Сегодня увидел свою тень — не узнал: бесхвостая кошка! «Голодной собаке ворованный кусок не в укор. Накорми, тогда и спрашивай честность!» А нас тут двое — и мы одного биологического семейства.

— Огонёк! — воскликнул я. — Есть выход!

— Какой?

— Стащу колбасу. Всю. Насчёт кур пока воздержимся...

Ну, мы и поели! Спалось — как никогда. А обоих мальчишек Сиплый выпорол. За обжорство.

Но есть вещи и похуже пустого желудка — тоска. Весь день сижу возле калитки. Прислушиваюсь. Когда кто-нибудь идёт мимо, я вскакиваю, царапаю калитку или стараюсь подсунуть под неё нос. Нос у меня уже вспух. Но никто ни разу возле меня не остановился.

Где же Витя? Пал Палыч? Мама Маша? Мой умный хозяин уже давно бы должен догадаться, в какую ловушку я угодил.

Один раз я залаял на чьи-то ноги. Но Сиплый очень больно вытянул меня хворостиной. А когда я залаял ещё раз, но взял меня за шиворот, избил, бросил в сарай и пригрозил: «Шкуру спущу!»

Я представил себя совсем без шкуры, и с тех пор лаять у меня не хватает духу.

— А зачем лаять? — сказал лис. — К тебе неплохо относится хозяин. Мог бы и помолчать.

Как я разозлился!

— У меня есть только один хозяин — Витя, и другого не будет никогда!

— Вас не понял, — невозмутимо отозвался лис. — У меня хозяин — целый класс. 6 «б». Я лис общий.

Я разозлился ещё больше.

— Если хочешь знать — твой 6 «б» никуда не годится! Они устроили тебе каникулы у этих людей. Класс называется

Мы замолчали.

Потом я извинился. Просто у меня тоска по дому. По счастливому дому и добрым людям. Так и сел бы и завыл бы на весь свет!..

19 августа

Жучка, Жучка! Она меня нашла! Вчера бегала за забором и лаяла изо всех сил. Я тоже тявкнул пару раз. Мы поняли друг друга. Теперь я спасён! Хотя Сиплый и поддал мне сапогом под рёбра, так что и сейчас дышать ещё больно. Вот она, собачья жизнь! Как я теперь понимаю тебя, мой друг, тёзка Пират!

Совершается невозможное! Витя и Пал Палыч были здесь. Но я не мог подать голос. Морду мне замотали тряпкой, ноги связали и закидали меня всякой рухлядью в сарае. Но лис рассказал мне обо всём, что видел.

Витя и Пал Палыч о чём-то долго разговаривали с Сиплым. С террасы всё время трусливо выглядывали ковбой, хихикали и высовывали языки.

— Извините, пожалуйста, — уходя, сказал Пал Палыч, — но вот уже целую неделю мы ищем Пирата.

Подумать только! Ещё извинился! За что? Перед кем?!

— А твой молодой хозяин, — сказал лис, — мне показался посмысленнее. Он внимательно всё осматривал и погрозил ковбоям кулаком.

— Ты его ещё не знаешь! — сказал я. — Витя — это Человек!

— Да-а! — вздохнул лис. — Но Сиплый-то всё-таки обвёл их вокруг пальца.

Первая ласточка

19 августа

Теперь я хоть число знаю — меня разыскивают уже целую неделю, а в плен я попал 12 августа, это я помню точно.

Прямо в суп ко мне упал совсем жёлтый лист, и я съел его.

— Первая ласточка, — сказал Огонёк.

— Где?

— Теперь уже у тебя в брюхе.

— Не чувствую, — сказал я сердито. — В брюхе у меня, как и всегда, только жидкий суп.

— Говоря иносказательно, жёлтый лист — это первая ласточка осе-

ни. Тебе от него может nepоздоровиться.

Я только пожал плечами: здесь мне приходилось есть всякую гадость — переварю и эту ласточку.

— Иногда ты, извини меня, Пират, медленно схватываешь мысль, — ехидно продолжал Огонёк. — Осень — это значит, скоро в школу мне и мальчишкам. Твой Витя, наверное, тоже не будет опаздывать к первому сентября. А если он уедет — дело твоё плохо.

Я оцепенел. «Друг мой, Чёрный Дьявол, неужели и меня ждёт такая же, как у тебя, судьба! Но ты большой, сильный пёс, и ты выжил. А я? Я сразу пропаду!»

Должно быть, лис угадал мои мысли:

— Не впадай в панику. Ты можешь перезимовать здесь. На следующее лето твои хозяева могут опять сюда приехать.

Ну, нет! Пусть тут зимуют коза со свиньями! Отсюда надо бежать!

Верные друзья

22 августа

Вчера начал рыть подкоп под забор. Устал, взмок. Вдруг слышу:

— Давно бы так, пёсик...

Что это? Оглянулся — никого. Только в заборе, в круглой дырочке, где выпал сучок, что-то блестит.

— Это я. Который день здесь торчу.

Чёрный Дьявол! Не могу описать, что со мной творилось!

— Тише, тише! — сказал одноглазый. — Танцы после. Ты как? Держись?

— Держусь! Но этот Сиплый...

— Знаю, знаю... Это он выбил мне глаз...

— Чем?

— Ты разве не знаешь, чем удлинняют руку, когда бьют собаку?

— Теперь знаю. Теперь я много чего знаю, друг... Хочешь, я побегу и вцеплюсь ему в штаны? Он как раз сегодня надел новые и от злости прямо взбесится!

— Спасибо, но я с большим удовольствием сделаю это сам. А сейчас за работу. Я тоже рою — к тебе отсюда.

Нам оставалось уже совсем немного, но всё пришлось бросить. Я услышал, что Сиплый послал братьев искать меня.

— Постарайся остаться во дворе на ночь, — успел шепнуть мне Чёрный Дьявол.

Но подкоп был обнаружен. Сиплый долго и внимательно на меня смотрел.

— Ну ладно: с этой стороны ты копал. А с той?.. Жулики? Всё может быть. Проверим...

Вечером Сиплый пристегнул к моему ошейнику железную цепочку и повел за сарай. Возле репейника он вбил колышек и крепко меня к нему привязал. «Так, — подумал я, — теперь я стал вроде козы. Только рогов и копыт у меня нет».

— Поглядим, — сказал Сиплый, — какой из тебя выйдет сторож.

Я долго стоял не шелохнувшись, весь превратился в слух — где-то далеко забухал тёзка Пират. Потом залилась звонким голосом Жучка. А где же третий мой друг?

Чёрный Дьявол пришёл. Я услышал: роет и дышит тяжело. Ох, не на пустой ли желудок?

— Здравствуй, друг, — сказал я шёпотом.

— Ты здесь? — удивился он.

— Здесь. Сажу привязанный. А Сиплый спит и воображает, что я буду на тебя лаять.

— Прекрасно! — ответил одноглазый. — Но болтать, братец, не-

когда. Нам с тобой надо ещё затемно убраться отсюда.

Мы принялись за дело. К счастью, я мог дотянуться до ямы и тоже копал.

Не знаю, долго ли мы копали, но наконец мой нос ткнулся в морду моего друга. Это было прекрасно. Я ещё поднатужился и почти высунул наружу голову.

— Ты ловишь крыс? — сразу спросил он.

— Да. И прилично...

— А я опять, временно, живу...

— В жёлтом домике на горе?

— Да, и тоже прилично...

— Я чувствую: от тебя пахнет борщом и Анютой.

— Мы спим с ней рядом в конюшне.

— Она не пугается тебя?

— Теперь уж нет, — усмехнулся мой друг.

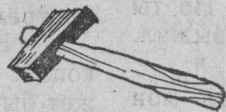
— Ой-ой-ой! Какой же я бестолковый! Так это ты напугал её тогда? И она разбила копытами стену, а сарайчик рухнул?

— Анюта уже перестала сердиться... Очень хорошая лошадь...

Я хотел сказать, как благодарен ему, но не успел — кто-то схватил меня за ноги. Я визжал и лаял на весь свет, но это не помогло.

Конечно, это был Сиплый. К счастью, он глуп, как все злые, и ничего не понял. Он решил, что я лаю на воров, которые хотят его обокрасть.

(Продолжение следует)

Прочитав название новой рубрики, постоянный и внимательный читатель «Искорки» должен возмутиться:

— Как так!! Это — повторение пройденного. Под таким заголовком в журнале были как-то напечатаны главы из книги Анатолия Томилину.

Всё правильно, дорогие читатели. И мы благодарны А. Томилину и за книгу, и за опубликованные в «Искорке» главы, и за заголовок.

Но дело в том, что А. Томилину в своей книге не мог рассказать все истории о том, как люди открывали свою Землю, их осталось ещё очень много — не рассказанных, но интересных и поучительных. Более того, выяснилось, что люди продолжают открывать свою Землю. Для этого они идут пешком и на лыжах, едут на собаках, плывут под парусом, летят на воздушном шаре...

И знаете, что мы сделали! Внимательный читатель должен был это заметить! — мы заменили время у глагола. Наша рубрика стала называться: «Как люди открывают Землю». Тем самым мы собрали в неё и прошлые, и настоящие, и будущие открытия Земли.

Олег Орлов К НЕВЕДОМЫМ БЕРЕГАМ, или сундучок Беринга

Рисунки Р. Попова

Что было
и чего
не было

Происходило это в те времена, когда не было ни электричества, ни кино, ни радио, ни автомобиля, не было ни паровоза, ни трамвая, ни даже велосипеда... Летом ездили в каретах и на телегах, а зимой — в санях. На лошадях и воевали, и грузы возили, и путешествовали...

Земля казалась очень большой, а многие части её считались загадочными. На картах путешественники рисовали острова и земли, которых на самом деле и не было.

Плавали люди на парусных кораблях, часто терпели кораблекрушения, а если плаванья и бывали удачными, то длились они порой два-три года, а то и более...

Писали гусиными перьями. Но книги печатать уже умели. Словом, было начало восемнадцатого века.

В России в это время царствовал Пётр Первый.

Искать
Америку

С утра царь кутался в халат, подбитый кунным мехом. Осенью он простудился и сейчас хворал. Правда, по-настоящему болеть Пётр не умел, времени у него на это не было. Вот и в этот день царь писал на больших листах бумаги, и по тому, как он взглядывал на закрытую дверь, было видно, что он кого-то ожидает.

Явился офицер, доложил:

— Ваше величество, прибыл капитан флота Иван Иванович Беринг!

— Вели войти, — сказал Пётр.

Он дописал последнее слово, поставил царскую подпись, отложил перо и посыпал непросохшие чернила мелким песком. Промокашек в те времена тоже ещё не было...

В залу вошёл человек, одетый в камзол, какие носили военные моряки, и низко поклонился.

Лицо его было толстое, круглое, щёки бритые, нос крючком.

— Здравствуй, капитан флота! —

сказал царь Пётр. — Взгляни-ка на эту карту. Что здесь?

— Уральские горы. Далее Сибирь с великими реками, государь.

— Так...

— Далее — море Пенжинское, а на той стороне — Камчатка-земля, полуостров.

— Так, — сказал Пётр, — карты ты, капитан, знаешь хорошо. А за Камчаткой что?

— Неведомые моря и невидимые земли. Но ежели плыть далее, достигнешь, должно, американских берегов...

— То-то и есть, — сказал царь. — И позвал я тебя, капитан Беринг, за великим делом... Возьмёшь знающих людей и всё, что надобно для постройки корабля. Соберёшь обоз. Сколько бы подвод ни понадобилось, казна отпустит. На Камчатке ты, Беринг, корабль соберёшь и оснастишь, как должно. И плыть тебе к северу и искать — не сошлись ли российские земли с землёй американской? А ежели нет, то каков в том месте пролив? Вот тебе указ, чтобы никто не чинил помехи!

Беринг почтительно взял царский указ, поклонился ещё ниже и пошёл к дверям.

Было в ту пору капитану сорок три года — самое время для свершения великих дел.

Датчане звали Беринга Витусом. Русские — Иваном Ивановичем. И вот почему...

Беринг был родом датчанин, из датского города Хорсенсе. Семья его отца была небогатая, многодетная. Наследства Витусу ждать было не от кого.

Хорсенские купцы и моряки, возвращаясь из далёких стран, рассказывали о чудесах, которые встречали в путешествиях. То видели они людей с собачьими головами, то одноглазых великанов, то птиц столь больших, что те могли унести в когтях слона...

Ещё рассказывали, что за семью морями можно скопить денег и потом жить безбедно.

И Витус решил наняться матросом на купеческий корабль.

Мать его, конечно, заплакала, не чая больше увидеть сына, а отец — тот подарил Витусу старинный сундучок, чтобы было где хранить накопленные в заморских землях золотые монеты. Сундучок был невелик и закрывался на секретный замок. А ещё замок имел внутренний музыкальный механизм. Как только поворачивали ключик, начинала играть музыка. Музыка была приятная. Играла музыка, и вспоминалась старинная песенка:

...Ах, любезный, жду в печали
Твой корабль из дальних стран.
Динь-динь-дон...

Поднял Витус подарок на плечо, подхватил мешок с одеялом и подушкой и взшёл на корабль.

Корабль отплывал в Ост-Индию.

...Из путешествия Витус вернулся крепким и сильным. Он покурил глиняную трубочку и теперь сам мог порассказать занятные истории

о страшных китах, которые глотают лодки с матросами, о деревьях, на которых растёт готовый хлеб, и о чудовищах, покрытых панцирями и именуемых крокодилами...

А раскрыв музыкальный сундук, одаривал Витус близких и друзей прелестными раковинами, кусочками сладко пахнущего дерева и переливающимися разным цветом камнями. Чудес он насмотрелся. Но денег больших не привёз.

Пожил немного Витус в родном доме и стал подумывать: куда бы ему отправиться снова.

Подвернулся один человек, подсказал: в России строится большой флот и царь Пётр набирает опытных моряков. Охотно принимает на службу датчан и голландцев. Жалованье платит не хуже, чем на иностранных кораблях.

Витус подумал-подумал и решил ехать.

Так он стал служить в русском флоте. Здесь и прозвали его Иваном Ивановичем. Осталась только датская фамилия — Беринг. Страну и русских людей Иван Иванович любил. Служил честно, храбро воевал на русском флоте и дослужился до чина капитана шестидесятипешечного корабля.

В это время и вспомнил о нём Пётр. И как человеку знающему да ещё и побывавшему в Ост-Индии доверил великое дело — плыть к неведомым берегам.

Почему же решили строить корабли на берегу далёкого восточного моря? Почему бы не отправиться в путешествие на кораблях прямо из Петербурга? Нагружай припасы в трюм и — плыви... Чего лучше?!

Однако это было не лучше. Не было таких капитанов, которые знали бы весь путь на восток из Европы в Америку. На запад в Америку

капитаны давно плавали. А на восток — через столько морей и океанов — ого! Одну Африку обогнуть — сколько штормов должен выдержать корабль! Там и Индийский океан, и Тихий, о которых знали совсем мало...

Или плыть из Белого моря, а потом на восток — северными путями? Но там льды и зимой и летом... Дальше Новой Земли не пройдёшь...

Нет, дорога посуху до Камчатки казалась надёжней. И собрали для путешествия сотни лошадей и саней.

В сани погрузили: доски дубовые для бортов корабельных и брусья толстые для кия. Дубы ведь на Камчатке не растут! Потом везли гвозди — доски прибивать. Канаты толстые — для якорей, и канаты тонкие — для снастей. Тонкие канаты свернули в кольцо, а толстые пришлось резать на части и так везти. Блоки для парусов. Сами паруса — несшитые, кусками парусины. Один большой парус, грот, везли на двух снях, а парус поменьше, марсель, — в одни уложили. А вообще для всех парусов понадобилось двадцать пять саней!

Отдельно везли крепкие кривые иглы — чтобы сшивать паруса. Там же — нитки суровые и шелковые. Тюки с паклей — для конопачения щелей между досками. Инструменты корабельные — квадранты, компасы, часы песочные, зрительные трубы, приближающие дальние предметы, свинцовые шары-лоты для измерения глубин. Без этих инструментов корабль в море, как слепой во тьме кромешной...

Якоря тоже распилили на части, так как даже самый маленький якорь Беринг решил на месте и для того взял походную кузницу: наковальни, молоты, кувалды, шипцы, мехи, чтобы огонь раздувать, и кожаные фартуки для кузнецов. А заодно и кирпичи для горна. И длинную кочергу. И уголь каменный для сильного жара...

Упаковали и лекарства — от живота, от лихорадки, от головной боли. Овёс и сено для лошадей — кор-

мить в дороге. Муку, крупу, солёное мясо и сало, капусту квашеную и чеснок, пиво в бочонках и вино в бутылках — для пропитания людей: возчиков, матросов, плотников, солдат... Взял с собой Беринг и учёных — для описания неизвестных краёв.

Ещё везли пушки чугунные, мушкетеры и абордажные топоры — вдруг дело до сражения с кем-нибудь дойдёт? Всякое бывает... Потом — кирки и лопаты, канифоль и порох, дробь свинцовую и табак. Пробку в кусках, медь в листах, валенки для зимы, сапоги для весенней грязи, бисер и зеркальца — для подарков аборигенам, мыло, пуговицы, ножи, мёд, уксус...

И ещё тысячи других вещей и предметов.

Беринг весь груз осмотрел, пересчитал все мешки, ящики, рогожные кули. Проверил, хорошо ли всё увязано, и дал знак трогаться в путь. Затюкали копыта лошадей, заскрипели полозья саней, захлопали кнуты по конским спинам, и обоз тронулся.

В последние сани — смотреть, не потерялось бы что в дороге, запахнувшись в медвежью шубу, повалился и Беринг. В свои сани не забыл он уложить и хранимый много лет сундучок с замочком.

*...Ах, любезный, жду в печали
Твой корабль из дальних стран.
Динь-динь-дон...*

В сундучок Беринг упрятал царский указ и другие важные бумаги.

Вот уже миновал обоз петербургскую заставу. Скрылись петербургские огни. Впереди были ночь, мороз и неизвестность...

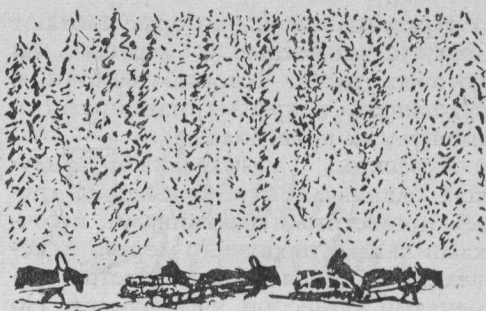
Потомки назовут экспедицию Беринга — Великой. Велик был и её обоз.

Дорога

Длинными были в те годы вёрсты в России.

Потянулись заснеженные леса — высокие и дремучие. С двух сторон

сжимали они дорогу. Сыпался кое-где от звуков проезжавшего обоза снег со столетних елей.

Чем дальше от Петербурга — тем реже деревеньки.

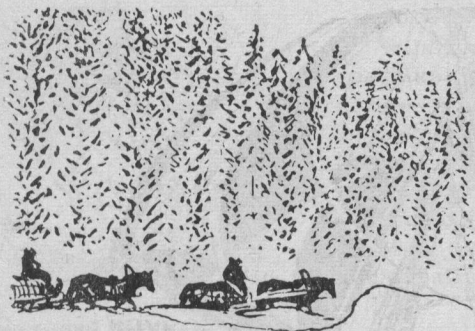
Однажды, где дорога расходилась на две стороны, встретился крест, и на кресте Иван Иванович прочитал: «На месте сём покоится убиенный гулящими людьми купец Парамон».

Солнце вставало большое, но не греющее. Морозы прихватывали всё сильнее. Инеем обрастали лошадиные морды...

К весне добрались до Тобольска. Построили лодки — плоскодонные и вместительные, — на лодках со всем грузом, людьми и лошадьми пошли

по Иртышу. Это был отдых, потому что плыли сперва по течению. Дошли до Оби. Здесь нужно было подниматься вверх — где на вёслах, где под парусом, а где и бечевой. С вер-

ховий Оби волоком перетащились на Кеть-реку. С Кети — на Енисей... Иван Иванович, который видывал диковинные земли, всё ещё удивлялся: река-то — как море, тайга — как зелёный океан...

На долгих привалах под обрывистыми берегами находили путешественники огромные кости невиданных зверей, а как-то раз натолкнулись на целую звериную тушу, замороженную, всю в рыжей шерсти, и с двумя рогами из пасти рогами — больше слоновьих. Учёные осмотрели находку и сказали, что этот зверь — мамонт.

Вторую зиму встретили в Илимске. И снова заскрипели полозья. Падали лошади, дохли навьюченные олени, разбегались люди. Но Беринг находил новых людей, покупал свежих оленей и лошадей, и обоз тянулся и тянулся. На восток. Ближе и ближе к морю.

Медленно передвигался в те времена человек, и медленно тянулось для него время. До моря Беринг добрался на третий год, как покинул Петербург.

Корабль

Весёлое дело — строить корабль. Тут уж и море торопит: скорее, скорее, на вольные волны. Солёный ветер манит. Шум морского прибоя...

Затюкали топоры, запели пилы. Сосновой стружкой запахло на диком, необжитом берегу, потянуло дымками костров.

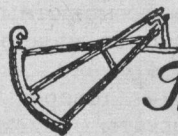
Сначала плотники положили на берегу длинное бревно, обтёсанное с боков, — киль корабля. К нему приладили рёбра-шпангоуты. К рёбрам прибили доски — обшили корабль. Щели забила паклей. Паклю замазали горячей смолой, чтобы корабль не тёк, чтобы вода внутрь не попадала. Потом плотники наладили сверху палубу. В бортах проделали квадратные дыры — для пушек.

И закачался на воде корабль, по старинному — галиот. На мачтах развернулись паруса. А на самом верху мачт Беринг велел поднять флаги и вымпелы: чтобы если кто на пути встретится, знали, чей корабль и какого царства-государства...

По нашим понятиям, корабль был, конечно, очень мал — длиной всего двадцать метров. Под палубой его ходили пригнувшись. Горячую пищу готовили на плите, сложенной из кирпича.

Зато шёл галиот ходко и на волну всходил легко.

Назвали его — «Гавриил».

Пролив

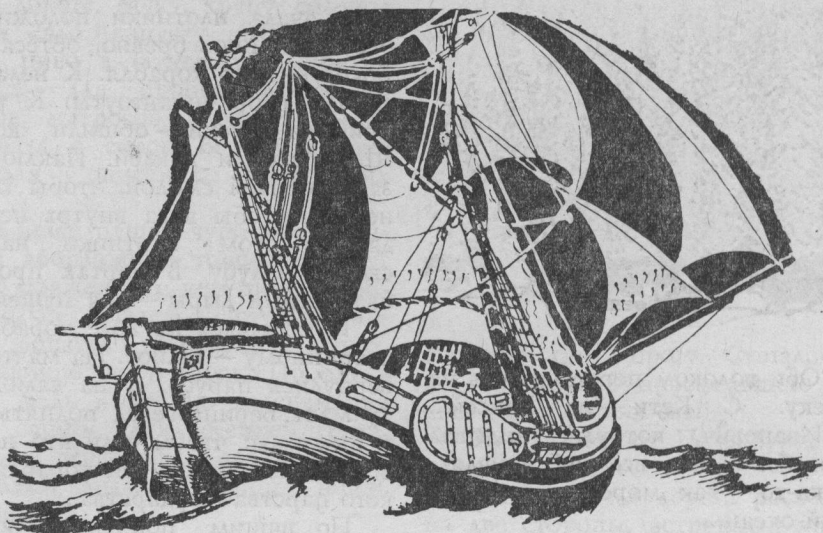
Ранним утром «Гавриил» отчалил, и путешественники поплыли на север, как повелел царь Пётр.

День плывут, два. Неделя пройдёт, а всё идёт галиот по свободной воде. Пролив начал вроде бы даже расширяться, азиатский берег к западу уходит...

Где же ты, Америка?

На корме, на самом высоком месте рядом с Берингом — помощник, лейтенант Чириков. У обоих в кулаках — зрительные трубы. Часами разглядывают новые места.

На берегу, что виден слева, — только чёрные горы да в каменных складках белый снег. А кругом корабля в волнах ныряют киты, подплывают к самым бортам. А где большие киты — Беринг знает, — там глубокие воды, там простор. Ясное дело — к северу идёт пролив.

Собрал Беринг совет морских офицеров и говорит:

— Что будем делать, господа мореплаватели? Далеко мы зашли на север, но Америки пока не увидели. Ветры начинают, как видите, дуть с севера. Того и гляди, принесут льды. Тогда окажемся в ловушке. Берег же по левому борту — бесприютный, и на нём даже не растёт ничего... А зима приближается...

— Дело ясное, — говорят офицеры. — Надо поискать: далеко ли пролив сей ведёт к югу, может быть, Америка там? Или повернуть галиот на восток?

— Это бы хорошо, — говорит Беринг, — да только на юг или восток плыть — нет у меня царского указа...

И велел рулевому повернуть корабль обратно.

Как только «Гавриил» причалил, для Беринга запрягли лошадей. В тот же день он поскакал в Петербург.

Налегке скакать — совсем другое дело. Всего за два месяца добрался

Беринг до Петербурга. А там новая власть. Царь Пётр умер, и на троне — царица Анна. Ей подавай балы да фейерверки, охоты да увеселения. Ей — не до Америки... Царица велела Берингу идти к адмиралам. Пускай адмиралы разбираются и с Берингом, и с Америкой.

Адмиралы сказали:

— Денег ты, Иван Иванович, потратил много, Америку так и не отыскал... Что же это такое?

— Я на севере, — говорит Беринг, — море обследовал, докуда плыть возможно. И нашёл пролив!

— Пролив нам ни к чему... — говорят адмиралы.

— Чтобы найти Америку, — говорит Беринг, — нужно от Камчатки взять курс на восток: море с той, с восточной стороны, приносит большие деревья. Таких деревьев на Камчатке нет. Думаю, там — Америка. Теперь нужно плыть на восток...

— Ладно, — сказали адмиралы, — иди, Иван Иванович, отдыхай пока. А мы будем думать...

Окончание следует.

Рис. Р. Попова

Николай ВНУКОВ

Пятнадцать минут с Марком Твенем

К 150-летию со дня рождения писателя

И вот я в Рэддинге, в большом доме писателя «Стормфилд».

Дом старый, заброшенный, его никто давно не ремонтирует. И не мудрено — в Соединённых Штатах Америки мало кто знает Марка Твена. В школьных библиотеках его книги давно сняты с книжных полок. Особенно «Том Соьер» и «Гек Финн» — их считают для американских детей вредными и ненужными.

Я робко поднялся по ступеням крыльца, вошёл в полутёмную гостиную и сразу увидел его. Он сидел в глубоком дубовом кресле у камина, в котором не было огня, и курил трубку. У него были густые, совершенно белые волосы и косматые, нависающие над глазами брови. Это придавало его лицу сердитый вид.

Я остановился на пороге гостиной и хотел было повернуть назад, но он уже заметил меня, вынул изо рта трубку и положил её на стол.

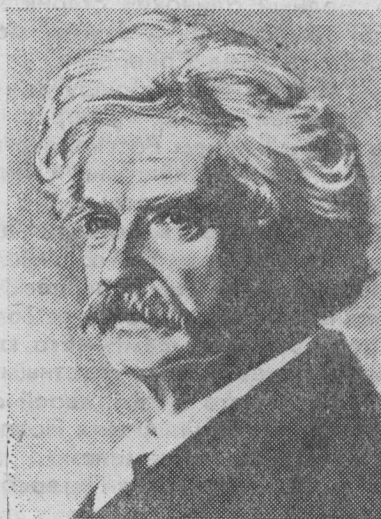
— Ну, неожиданный гость, — сказал он низким хрипловатым голосом, — раз вы уж здесь, подходите поближе. Садитесь на этот стул. — Он показал на стул пальцем. — Вот так. Хорошо. Я, правда, давно никого не принимаю и не могу взять в толк, как вы в дом попали? Но уж раз попали — давайте поговорим. Вы — газетчик?

— Нет, — сказал я.

— Отлично! — обрадовался он. — Я, видите ли, ненавижу газетчиков,

Снял я недавно с книжной полки «Автобиографию» Марка Твена, начал её перелистывать — и не на реактивном лайнере через Атлантический океан, и не автобусом потом от Нью-Йорка до штата Коннектикут, а, как говорится, «на крыльях воображения» преодолел и время и расстояние.

Мне очень захотелось поговорить с Марком Твенем..

хотя в молодости сам писал для газет. Наши американские газеты — самые лживые в мире. Они создаются... бандой малограмотных самодовольных невежд, которые не сумели заработать себе на хлеб лопатой или сапожной иглой и в журналистику попали случайно, по пути в дом призрения... Впрочем, давайте поговорим о чём-нибудь более достойном и интересном. Я вижу, вам не терпится что-то спросить...

— Мистер Твен, если вы подарите мне пятнадцать минут, если вы разрешите...

— Разрешаю, конечно.

Он говорил медленно и тихо, делая остановки в самых неожиданных

ных местах фраз. «Какой он старый и усталый,— подумал я.— И, конечно, совершенно один в этом мрачном и неуютном доме. Ведь у него никого не осталось — ни жены, ни детей. Все умерли. Он всех пережил. Бедный одинокий старик... Но глаза! Тёмно-синие и совсем молодые. Глаза Тома Сойера».

— Мистер Твен, я пишу для ребят. В нашей стране, которую вы знаете под именем Россия, все знакомы с вашими книгами и любят вас — и дети и взрослые. И все очень хотят узнать — жил ли на самом деле на свете Том Сойер?

— О, Том! — Он произнёс имя на южный манер — Там, а не Том. — Да ведь это же я сам! — Его глаза стали мечтательными и грустными. — Там Сойер — это я сам, своей собственной персоной. А тётя Полли — моя мать Джейн Клеменс.

— А городок Сент-Питерсберг, где вы жили...

— Это город Ганнибал в штате Миссури. Вы не поверите — я очень долго не мог научиться плавать. Я тонул раз девять — то в Медвежьей, то в Миссисипи. Но, как видите, не утонул до конца. Славное было время! Да, сэр, я доставлял своей матери немало хлопот, не то что мой младший братец Генри.

— Это Генри описан в «Томе Сойере» под именем Сиды?

— Да, это он... Не помню, чтобы Генри хоть раз совершил по отношению ко мне дурной поступок, но многие похвальные его поступки обходились мне дорого... Он был такой хороший, что просто тошно... Это Генри обратил внимание матери на то, что нитка, которой она зашила ворот моей рубашки, чтобы я

не сбежал из школы купаться, другого цвета... За столом... Генри никогда не таскал сахар. Он брал его открыто, прямо из сахарницы. Мать знала, что он не будет таскать сахар тайком от неё. Но относительно меня... У неё были на мой счёт сомнения, она отлично знала, на что я способен. Но однажды в её отсутствие Генри всё-таки взял сахара из этой старинной сахарницы английского фарфора, которую мать берегла как зеницу ока... и его угораздило эту сахарницу разбить!.. Ну, остальное вы знаете из книжки.

— Мистер Твен, скажите, а кем был на самом деле Гек Финн?

— Вот его-то как раз звали Том, — улыбнулся писатель. — Том Бленкеншип. Он был сыном городского пьяницы. В «Гекльберри Финне» я нарисовал точный портрет Тома... Он был неграмотен, неумыт, вечно голоден, но сердце у него было золотое... Мы любили водить с ним компанию, а так как это строжайше запрещалось нашими родителями, то дружба с ним ценилась ещё выше и во всём городке не было мальчика его популярнее. Я слышал, что он стал потом мировым судьёй в одном из глухих посёлков штата Монтана, прекрасным гражданином и получил всеобщее уважение.

— Это правда, что он дружил с негром Джимом и путешествовал с ним на плоту по Миссисипи?

— Да, в лице дяди Дэна мы имели верного и любящего друга, союзника и советчика. У этого негра была ясная голова и любвеобильное сердце — честное, простое, не знающее хитрости. Он служил мне верой и правдой многие, многие го-

ды. Я с ним не виделся лет пятьдесят, однако всё это время мысленно был вместе с ним и выводил его в своих книгах то под именем Джима, а то под его собственным. Он у меня ездил по всему свету — в Ганнибал, вниз по Миссисипи на плоту и даже летал через пустыню Сахару на воздушном шаре... Это в повести «Том Сойер за границей»... Я любил его чёрных сородичей и научился ценить их высокие достоинства...

— Вы писали в «Томе Сойере» о страшной пещере Мак-Дугала на иллинойсском берегу...

— Да, она — ниже Ганнибала мили на три... Она тянется далеко... Там было нетрудно заблудиться кому угодно. И я там заблудился однажды вместе со своей спутницей. Наша последняя свеча догорела почти дотла, когда мы завидели вдаль за поворотом огоньки разыскивающего нас отряда... Однажды там заблудился индеец Джо и умер бы голодной смертью, если бы иссяк запас летучих мышей. Но... их там были целые мириады. Он сам рассказывал мне всю эту историю... И он вовсе не был таким злодеем, каким я его изобразил... В книге я заморил его в пещере до смерти, но единственно в интересах искусства — на самом деле этого не было... Кстати, вы любите змей? Нет, нет, не настоящих там гремучих или очковых, а обыкновенных ужей? Ужи у нас назывались «подвязками». Мы приносили их домой и сажали в рабочую корзинку тёти Патси (в «Гекльберри Финне» я назвал её Салли — это сестра моей матери)... К змеям она питала предубеждение и всегда пугалась, когда они из корзинок выползали...

— Простите, мистер Твен, а та ваша спутница, с которой вы заблудились в пещере... она — Бекки Тэчер?

Он посмотрел на меня, прищурив глаза.

— Я назову её... Мэри Уилсон, потому что звали её иначе... Я перед ней благоговел, потому что она казалась мне ангелом и недостижимой для такого скверного и заурядного мальчишки, как я.

— Вы учились вместе?

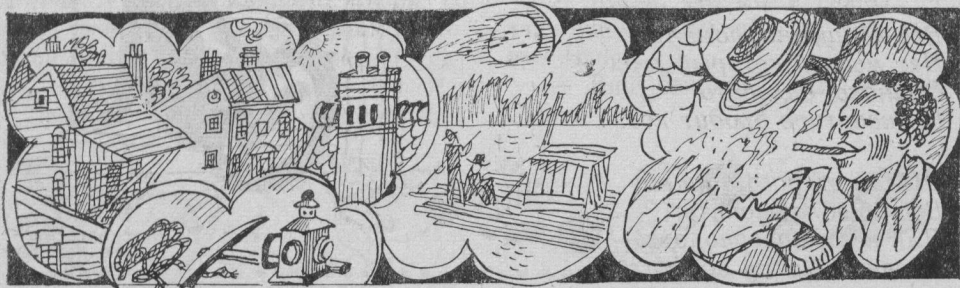
— У нас в Ганнибале была всего одна школа. Она стояла на просеке, среди леса, и в ней учились около двадцати пяти мальчиков и девочек... Самому молодому ученику было семь лет, а самому старшему — двадцать пять... Мы ходили летом в школу два раза в неделю, отправлялись туда по утреннему холоду лесными тропинками и возвращались в сумерках, к концу дня...

Я хотел задать мистеру Твену ещё много-много вопросов.

О том, как он был лощманом на Миссисипи, как искал серебро и золото в горах Невады и Калифорнии, как был секретарём у сенатора, как написал свой первый рассказ «Знаменитая скачущая лягушка», как стал известным писателем и путешествовал по всему земному шару, читая свои рассказы, но вдруг я увидел, что он устал.

Он взял со стола свою трубку дрожащей рукой и сунул в рот. Вынул из кармана спички... Взгляд его стал рассеянным, он смотрел не на меня, а куда-то в угол.

Я понял, что надо уходить. Но мне очень хотелось задать ещё один вопрос, самый последний.

— Мистер Твен...— робко сказал я.

— Что ещё? — поднял он голову.

— Простите, я сейчас исчезаю. Но мне хочется услышать, что вы думаете о современных Соединённых Штатах?

— Вы, наверное, хотели сказать — о людях Соединённых Штатов? Да и то, конечно, не обо всех. Я не могу да и не имею права говорить обо всех. Так вот, сэр, алчность и корысть существовали во все времена, но никогда за всю историю человечества они не доходили до такого дикого безумия, как в наши

дни. Это безумие разлагает людей... делает их жестокими, подлыми, бессердечными, бесчестными...

Он чиркнул спичку и зажёл трубку.

— Вы знаете, иногда мне стыдно, что я — американец... Вы помните, что 12 октября — день открытия Америки? Замечательно, что Америку открыли, но было бы куда более замечательно, если бы Колумб проплыл мимо... Вот так, молодой человек! До свидания.

Я поклонился и вышел из гостиной.

...Передо мной на столе лежала «Автобиография» Марка Твена и тетрадь, в которую я делал выписки из неё.

Но, честное слово, я видел его, слышал его голос и заметил, как блестели его глаза, когда он вспоминал своё далёкое детство. И хотя он родился сто пятьдесят лет тому назад, я знал, что он не умрёт и через двести лет, и через тысячу. Потому что добрые, честные и гениальные писатели живут на земле вечно.

Рис. Ю. Бочкарёва

Илья ФОНЯКОВ

ХОЗЯИН

*Дочка — в пятый, сын — в десятый,
Папа с мамой — на завод.
Одинокий и усатый
По квартире бродит кот.*

*Он идёт на белых лапах,
Замерев, глядит в окно.
Каждый шорох, каждый запах
Тут знаком ему давно.*

*Всё почищено, помыто,
Нет мышей который год.
Одиноко, деловито
По квартире бродит кот.*

*Щёлки старого паркета
Все обнюхает опять:
Для него, наверно, это —
Словно книжку почитать!*

Рис. Л. Московского

МУЗЫКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

— До — ми — соль — до, — Саша выкручивал руку, чтобы большим пальцем попасть точно на верхнее «до».

— Раз-и, два-и. Раз-и, два-и, — размеренно считала преподавательница музыки Ирина Алексеевна. — Внимательнее, Сашенька. И руку помягче, помягче.

— До — ми — соль, — снова начинал Саша.

В дверь позвонили. Саша услышал, как мама сказала кому-то в прихожей:

— Саша занимается. Скоро закончит.

— Мама! Это Игорёха? — крикнул Саша. — Скажи, пусть подождёт.

— Ладно, ладно, не отвлекайся, — откликнулась мама.

Последние десять минут урока Саша ёрзал на стуле. Эти гаммы ему порядком надоели. Надоел и пастушок, который вот уже вторую неделю «на зелёном лугу их-вох» терял дуду.

Когда он выбежал в соседнюю комнату, то увидел своего приятеля Игорьку, чинно сидящего рядом со своей мамой. А Сашина мама угощала гостей чаем с конфетами.

— Вы в какую школу Игоря записали? — спросила Сашина мама.

— В эту, конечно, — кивнула мама Игоря в окно, где среди лип стояла старая школа.

— А нам удалось Сашеньку устроить в соседнюю. Представьте себе, там с первого класса занимаются музыкой. Он ведь у нас такой способный, — похвасталась Сашина мама.

— Зато нашему явно кто-то на ухо наступил, — вздохнула Игорева мама. — Медведь, наверно. Да, Игорь?

— Не знаю, — буркнул Игорь.

— Нет у него ни слуха, ни голоса. Воспитательница в группе ему не разрешает петь с другими ребятами, чтоб впечатления не портил.

— Я и сам не хочу, — заявил Игорёк, — очень надо!

Саша потянул приятеля за собой.

— Мама, можно мы на улице поиграем?

— Только никуда со двора не уходить, — строго предупредили мамы хором.

Мальчишки мигом понеслись вниз по лестницам.

— Жаль, что мы в разных школах будем учиться! — на ходу крикнул Игорь.

— Ещё бы не жаль! — ответил Саша.

Продолжение. Начало в «Искорке» № 9.

Но по-настоящему размеры беды Саша оценил только в сентябре. Ему было так грустно без Игоря! Ведь они всегда были вместе. В яслях. В детском саду. Во дворе. А в незнакомой школе, среди чужих ребят, без лучшего друга Саше было так плохо, так неуютно, что он даже учительницу не мог слушать. А на перемене он уныло стоял возле окна и смотрел на стекло, по которому колотил дождь.

— Что ты невесел? — услышал Саша за спиной и обернулся.

Рядом стоял большой дяденька. Он был очень серьёзный, но с глазами весёлыми.

— Тебе не нравится наша школа? — спросил он.

— Не знаю, — пожал плечами Саша. — Скучно мне.

— Столько всего интересного! Новые книжки, новые уроки, новые друзья — а тебе скучно! — удивился человек.

— Не нужны мне новые друзья. Мне нужен старый. А его в нашу школу мама не пустила, — признался Саша.

— Почему?

— Он неспособный. Мама сказала, что у него музыкального слуха нет. У него правда его нет. Но он — хороший, — заторопился Саша. — Мы с ним целых семь лет дружим. У нас даже коляски рядом стояли. И родились мы почти вместе. Он в июне, а я в июле.

— Способностей, говоришь, нет? Чепуха! Спорим, что через полгода

твой приятель соловьём запоёт?!

— Не-не, — засмеялся Саша. — У него не получится. И вообще он машины любит.

— Вот что, — решительно сказал мужчина, — приводи своего друга ко мне. Вместе с мамой, конечно. Всё будет в порядке.

— А вы кто? — вдогонку крикнул Саша.

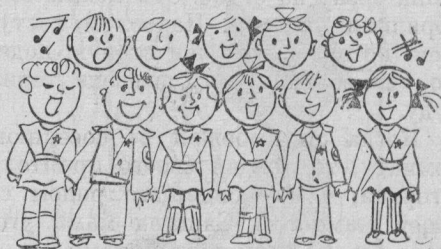
— Директор школы, — обернулся мужчина и удивился. — Ты что, своего директора не знаешь?

— Знаю. Я просто забыл, — соврал Саша, потому что заволновался, что директор рассердится и не примет Игорька.

— А вот врать — некрасиво, — назидательно сказал директор и исчез за дверями класса.

Целый вечер Саша уговаривал Игоря пойти вместе с ним. Тот упирался. Боялся, что над ним, как в детском саду, смеяться будут. Но очень уж не хотелось расставаться с Сашкой. И он решил...

На первом же уроке музыки Игорь заиграл. Да-да, заиграл. Учительница дала ему маленькую медную тарелку, по которой нужно было вовремя ударить молоточком — вот так: «Пес-ня. Пе-сен-ка. Раз-два. Раз-два-три». У каждого из первоклассников на том уроке оказался в руках инструмент. Одному достался металлофон, другому бубен, третьему свисток, четвёртому деревянные ложки. Каждый должен был

ВМЕСТЕ ВЕСЕЛО ШАГАТЬ...

выполнить несложное задание — изобразить простенькую музыкальную фразу. Они немного потренировались и к концу урока все вместе уже сыграли песенку. Славный получился оркестр.

Интересно было и на других уроках. Первоклассники рисовали под музыку картинки. И целые рассказы сочиняли про то, что слышали. И Игорёк сочинил тоже. Учительница похвалила его за рисунок медвежонка, который потерял в лесу маму.

Были, конечно, у первоклассников и математика и чтение. Саша и Игорь сидели за одной партой и во всём помогали друг другу.

...Через полгода к ним в 1«а» на урок музыки заглянул директор. Ребята в это время разучивали новую песню. На новогоднем празднике их классный хор должен был первый раз выступить перед всей школой. Учительница кивнула, взяла первый аккорд, и ребята дружно грянули: «С песней весело шагать...» Директор послушал, увидел Сашу и Игоря, улыбнулся:

— Ну, что я тебе говорил?! Поёт твой приятель?

В ответ Саша улыбнулся тоже.

Способным оказался Игорёк. Зря волновался Саша и расстраивалась мама. Теперь друзья уже выросли. Играют в школьном оркестре. Саша — гитарист. Игорь — ударник.

А в первом классе — новые ученики. И все сорок опять оказываются способными. Уже десять лет набирают в эту школу всех ребят подряд, и вот удивительно: все ребята без исключения через несколько месяцев оказываются с музыкальными способностями. Поют. Танцуют. Учатся играть на разных инструментах.

Вот такая школа есть у нас в Ленинграде. Школа № 307.

Ну, а если можно всех ребят научить музыке, то, наверное, и математику можно осилить, и ботанику, и историю...

Слишком просто сказать: «Ты — неспособный. Нечего и стараться. Всё равно не догонишь тех, кому учёба даётся легко. Во всём виноваты твои прапрабабушки и прапрадедушки, а может, и ещё двадцать поколений предков. Не записали тебе в гены умение быстро соображать, с ходу запоминать длинное стихотворение, рисовать пейзажи. Обидно, но делать нечего».

Раньше, пока я не познакомилась с 307-й школой, я тоже так думала. А потом ещё мне попалась в руки книжка директора института генетики академика Дубинина. Он там так объясняет: нечего, мол, на гены кивать. В них записаны только физические качества человека, а не интеллектуальные и эмоциональные. То есть предки могут наградить тебя высоким или маленьким ростом,

мощными или слабыми лёгкими, синими глазами или курносый носом. А вот память, ум, музыкальный слух или художественные способности — всё это можно развить и воспитать. Всё это в тебе есть. В каждом из сорока ребят, сидящих с тобой в классе.

Только вот как разбудить дремлющие в тебе способности? Как найти ту струну, которую надо лишь слегка тронуть, чтоб отозвались все твои таланты?

Это, наверное, и есть самая сложная задача школьной реформы — научить всех без исключения!

Рис. Л. Московского

В н и м а н и е!

Эксперимент продолжается!

Участники эксперимента:

Ты, читатель «Искорки», твои друзья, одноклассники, родители...

Условия эксперимента:

Искренние ответы на вопросы.

Цель эксперимента:

Помочь школьной реформе претвориться в жизнь.

**Наши новые
вопросы:**

Можно ли учиться без отметок?

Если бы ты точно знал, что завтра тебя не вызовут к доске, стал бы учить уроки?

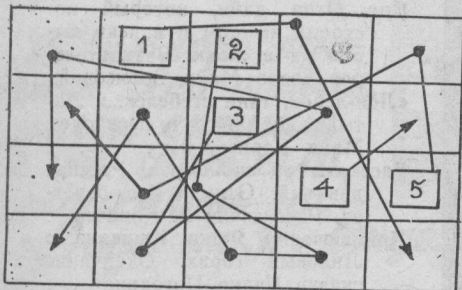
Если бы тебе разрешили выбирать: на какой урок ты бы пошёл, а какой — пропустил?

Ждём твоих писем.

(Продолжение следует)

Между смекалистами, которые пришлют правильные ответы на опубликованные в этом номере головоломки, будет разыгран приз. Срок для ответов — до 15 декабря.

КРИПТОГРАММА

В клетки прямоугольника вписана строчка из популярной песни. Из всех 20 букв были составлены 5 слов, означающих: 1. Вечнозелёное дерево. 2. Длинный нож для уборки сахарного тростника. 3. Литературный жанр. 4. Река на Украине. 5. Вид письменного стола.

Каждое слово начинается в клетке со стрелкой. Промежуточные буквы отмечены точками.

Восстановите текст (4 очка).

ГЛАВНАЯ СТРОКА

Составил Алексей Власов
(49-я школа)

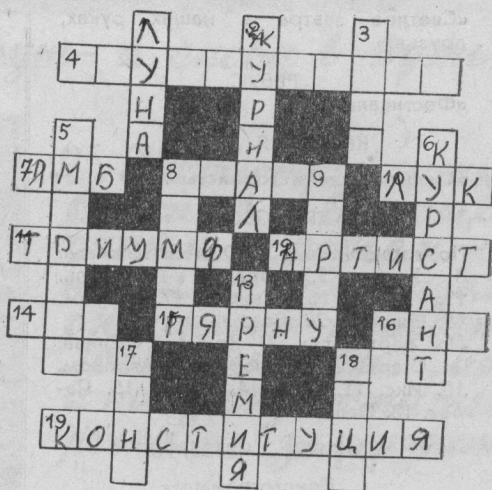

В свободные клетки впишите названия деревьев (3 очка).

КРОССВОРД

Составил Алексей Щербатых
(22-я школа)

По горизонтали: 4. Руководитель первой русской кругосветной экспедиции. 7. Стихотворный размер. 8. Плотная ткань для верхней одежды. 10. Старинное оружие (теперь спортивное). 11. Блестящий успех. 12. Актёр. 14. Советский кинорежиссёр, создавший первые звуковые фильмы. 15. Город в Эстонии. 16. Общее название самолётов авиастроителя Туполева. 19. Основной закон государства.

По вертикали: 1. Естественный спутник Земли. 2. Опросный лист. 3. Овощ. 5. Часть света. 6. Учащийся военного училища. 8. Литературный жанр. 9. Морское животное. 13. Награда. 17. Французский композитор, автор оперы «Фауст». 18. Домашнее животное (5 очков).

МИКРОРЕБУС

Разгадав ребус, прочтёте фамилию известного русского географа, этнографа и фольклориста — в октябре исполняется 150 лет со дня его рождения (2 очка).

ПРОВЕРЬ СЕБЯ (ответы к «Искорке» № 8)

ПЛЕТЁНКА

«Светлое завтра в наших руках, друзья!»

РЕБУС

«Фестиваль».

КНИЖНАЯ ПОЛКА

«Сигнальщики и горнисты».

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Ока. 5. Планета. 8. Халва. 9. «Враги». 12. Киль. 13. Торф. 16. Свирь. 17. Паром. 19. Елисеев. 20. Сок.
По вертикали: 2. Конь. 3. Слива. 4. Старт. 6. Павлова. 7. Агроном. 10. Икс. 11. Уфа. 14. Кроль. 15. Палех. 18. Осло.

ИЗ ТРЁХ — ЧЕТВЁРТОЕ

Криптограмма

КТО ПОБЕДИЛ

Между приславшими правильные ответы на все задания, опубликованные в «Искорке» № 6, был разыгран приз. Он достался ученику 6-а класса 361-й школы Васе Лаптеву.

СОДЕРЖАНИЕ

Здравствуй, Ленинград. Миннатор Сергея Воронина . . .	1
«А осень ленинградская прохладная...» Стихотворение Л. Замятнина . . .	5
Памяти Есенина. Стихотворение Льва Гаврилова . . .	7
Петровская набережная. Продолжение повести Михаила Глинки . . .	8
Дороги. Стихотворение Аллы Зацаринной . . .	20
Про Отца дайн, который построил им дом и навеки вывел их в люди. Вступительное слово Майи Борисовой . . .	21
«Лён-ленок, тани стебелёк...» Латышские даины в переводах Майи Борисовой . . .	24
Рассказы об экономике. Рассказ девятый. Откуда что берётся. Рассказчик В. Ковичев . . .	26
Приключения Яшки Кошкина в Лиловых горах. Окончание сказки Радия Погодина . . .	34
Узелок . . .	41
Наши каникулы. Продолжение повести-сказки Сергея Лукинского . . .	42
К неведомым берегам, или Сундучок Беринга. Повесть Олега Орлова . . .	49
Пятнадцать минут с Марком Твенем. Очерк Николая Внукова . . .	55
Хозяин. Стихотворение Ильи Фоминкова . . .	58
Расписание на послезавтра. Продолжение очерка Н. Чаплиной . . .	59
Клуб смекалистых ребят . . .	63
На 1-й странице обложки рисунок Л. Иванова «Осень в Ленинграде»	
На 2-й странице обложки «В объективе — Ленинград». Фото А. Дроздова	
На 3-й странице обложки «Следопыт, или Тропинка в лес». Фото Н. Сладкова	
На 4-й странице обложки рисунок-шутка Д. Майстренко	

Редактор Н. С. ЧАПЛИНА

Редактор-составитель Д. Б. КОЛПАКОВА

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. А. Внуков, Л. Н. Гаврилов, К. И. Курбатов, Б. Н. Никольский, В. Н. Суслов, А. Н. Томилин, И. А. Туричин.

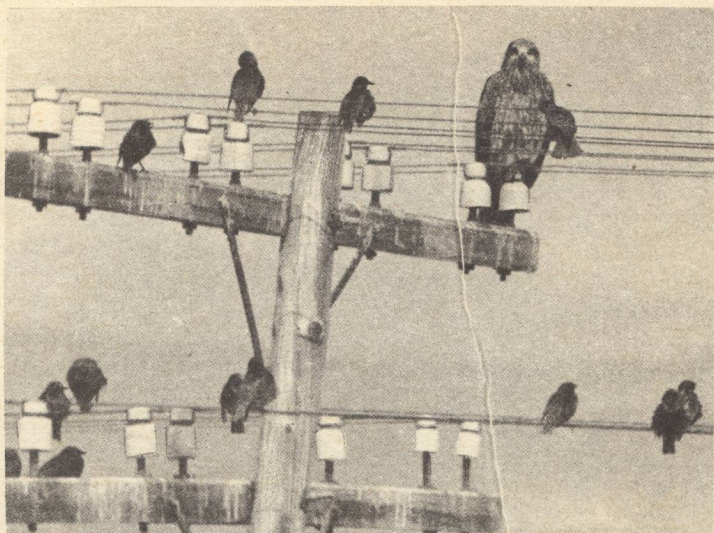
Художник-редактор Л. М. Московский. Технический редактор Н. С. Багрецкая. Корректор С. В. Петрова

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444. Телефон: 212-87-55.

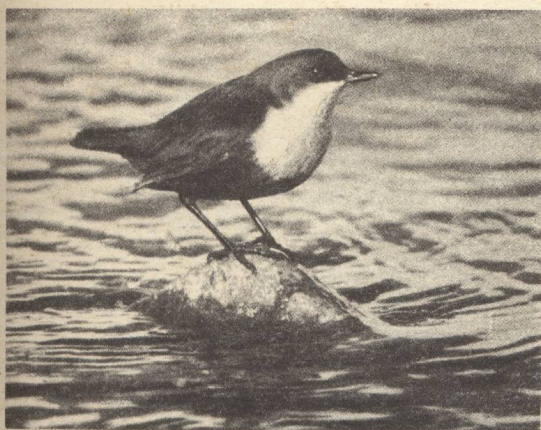
Сдано в набор 29.08.85. Подписано к печати 21.10.85. М-27462. Формат 70×108¹/₁₆. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,60. Усл. кр.-отг. 6,48. Уч.-изд. л. 5,61. Тираж 60 000 экз. Заказ № 160. Цена 20 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фонтанка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Следуют, или Пропанка в лес

1.
В октябре пус-
теют леса и поля,
птицы спешат
на юг. Вот сели
передохнуть на
провода ..и ?. . Отдохнут- и снова в путь .

2. На быстрой речке поя-
вился ...?. . Его ещё во-
дяники вероубей называют,
или водолазы: он хорошо плавает и
ловко ныряет. Может
и на зиму остаться, если
речка не замёрзнет .

3. Осенью начинают
свистеть ...?. . , пря-
мо как весной !
Это их осенняя
свистовая песенка .

4.
В октябре можно уви-
деть и грозу всех пере-
лётных и оседлых
птиц — смелого охот-
ника ...?. . Как перво-
классный стрелок, он
бьёт птиц, только влёт
— сбивает на лету .

